

БАРВАРА ЕНАЛЬ

ЖИВЫЕ ЭРА ДРАКОНОВ

ПОДЗЕМНЫЕ КОРАБЛИ

ЖИВЫЕ

Варвара Еналь

Подземные корабли

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Еналь В. Н.

Подземные корабли / В. Н. Еналь — «Росмэн», 2018 — (Живые)

ISBN 978-5-353-08970-4

Третья, заключительная книга цикла «Живые. Эра драконов» Варвары Еналь, автора известного постапокалиптического цикла «Живые». На когда-то высокоразвитой планете Эльси вновь полыхает война – и под яркими лучами дневного Светила, и в тихом ночном свете Буймиша. Враги рвутся в Города и к источникам Живого металла, крушат драконов и уничтожают людей. Только вмешательство таинственных иимцев и Детей Неба может спасти планету от полного уничтожения. Но придут ли они на помощь? Захотят ли снова дать шанс людям? Это и еще очень многое зависит от обычных подростков из трех враждующих племен.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08970-4

© Еналь В. Н., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Варвара Еналь
Подземные корабли
Роман

© Варвара Еналь, текст, 2018

© ООО «РОСМЭН», 2018

Глава 1

Люк. Правила войны

1

Их приютил остров. Маленький островок посередине океана. Он и раньше служил надежным пристанищем, источником воды и фруктов. Теперь же он остался единственным убежищем для них всех. Для всей семьи.

Дом в пустыне теперь больше не существовал, его просто не было. Палатки, очаг, посуда, одежда – все было сожжено. Отцы клана Инимайтов уничтожили все, что было у семьи Всадника Люка.

Почему? Потому что мир перевернулся и изменился. И Всадники его клана тоже изменились. Прежние друзья стали врагами, прежние товарищи превратились в соперников.

Теперь Люк для своего клана стал предателем. Почему?

Вопросы можно было задавать бесконечно. Главная причина одна – потому что в древний подземный храм пришли роботы, чтобы им управлять. Проснулись древние, старые, как песок, биороботы, и теперь настоящая власть была у них.

Управляет ли этим всем древний биоробот Мара? Люк этого не знал и не мог знать.

Родное племя считает его предателем, им внушили это роботы-пророки.

Возможно, так оно и есть, если думать о выгоде племени. Инимайты не отказались бы обладать теми ключами, что попали к Люку. Они бы охотно согласились управлять Третьим сервером – мощной древней базой, полной оружия и роботов. Они бы обрушили всю эту мощь на Города – на своих старых врагов. Обрушили и одержали победу. Отомстили за былые поражения, совершили справедливый суд. Справедливость Инимайтов считает, что жители Городов враги и заслуживают смерть.

Люк с этим не согласен, значит, он предатель.

Вот потому семья Люка прячется на маленьком островке среди Соленой воды, и вместо уютной палатки над головой – звездное небо. Вместо печи – пламя костра. Вместо родных,

домашних драконов – чужак Тхан, древний, очень древний дракон, знающий, каким был мир еще во времена Железной войны.

Люк и его семья стали изгнанниками своего племени. Вот только отцы племени не догадываются, каким мощным оружием обладает теперь Люк и его девушка Мэй. Восемь первичных ключей – вот что хранится в маленьком кожаном мешочке у Люка и Мэй. Восемь ключей от восьми древних старых серверов. Восемь ключей от мощных военных баз. Восемь ключей от всей старой, забытой и удивительно мощной цивилизации. Цивилизации его предков.

2

Непривычно короткая рукоять меча хранила в себе тяжелый холод подземелья. Ее можно было сколько угодно сжимать в руке, но в глубине Живого металла как будто находился кусок льда, и ладонь нисколько его не согревала.

Рукоять сделали из сплава. Старая, очень старая технология, о которой в нынешние времена давно забыли. Легкий белый цвет рукояти временами темнел, густел и становился серым, словно в мече отражалось предгрозовое небо с торопливыми облаками.

Черные знаки иероглифов Люку не доводилось видеть ни разу в своей жизни. Абсолютно незнакомые знаки, выдавленные, выбитые, вытравленные в сплаве металла, придавали оружию грозный и мрачный вид. Только эти знаки и украшали старый меч предков, и больше на нем не было ничего.

Люк мягко перекатил рукоять с одной руки в другую, после медленно сжал ее и представил, как яркий, горячий клинок срубает голову Маре. Вжик! – и робот мертв.

Это не будет сложно на самом деле.

И словно бы в ответ на его мысли, заговорил Тхан, огромный черный робот-дракон. Он поднял голову, сверкнул желтыми глазами и взялся медленно пояснять.

– Мара захватила Третий сервер. Если Гайнош в ее руках, значит, и ключи от сервера тоже в ее руках. Теперь она владеет всеми роботами, которые хранились в тех складах. Сервер стал неприступным. А когда-то там находился старый, могущественный Бен-А-Эльси, и это был город-крепость. Его одолеть непросто и штурмом взять невозможно. Он неприступен. Мы не сможем отбить Гайноша силой, вот какую мысль мне хотелось бы сейчас донести до Люка и его братьев.

Гайнош, житель одного из девяти Городов, попал в плен к биороботу Маре. Она коварно предала доверившихся ей людей и захватила отца Мэй, когда он пытался выключить старый, древний сервер, отвечающий за работу больших военных машин. У Гайноша в руках находились важные ключи, запускающие и выключающие сервер. И теперь эти ключи попали к Маре, скорее всего попали.

Можно, конечно, надеяться, что ловкий Гайнош успел их спрятать или уничтожить, но такая вероятность слишком мала. Мара помогала им, оказывала дружественное расположение, дала приют и пищу, а после даже доверила огромную машину-робота, Тхана. У Гайноша не было ни одной причины, чтобы не доверять Маре и подозревать ее в чем-то. А уж о том, что старая женщина, помогавшая им, на самом деле робот – об этом Гайнош и вовсе не догадывался.

– Мы не сможем отбить Гайноша силой, – еще раз сказал дракон, и его низкий, полный металла голос прогремел над костром, точно громовой раскат.

Люк промолчал.

Зато Мэй переплела пальцы обеих рук, как будто слов было мало для того, чтобы выразить мысль, и с силой стукнула ими по коленке. Вздернула подбородок и кинула такой яростный взгляд на Тхана, что если бы ее взор обладал возможностью воспламенять – дракон запылал бы, как сухое дерево.

– Отца надо освободить! Он мой отец! И если для этого понадобится отдать дурацкие восемь ключей, я их отдам! – Ее голос взметнулся над пламенем костра и заставил младшую сестру Люка, Тигаки, вздрогнуть и прижать ладони к щекам.

Мэй торопливо дотронулась до сумки, висящей у нее на поясе, тут же отдернула руку и вызывающе уставилась на дракона.

В сумке лежали ключи.

Люк еще не успел на них взглянуть, он слишком устал после пережитых волнений, после того, как его избили Всадники, а потом едва не утопили в источнике Живого металла. Раненые колено и рука все еще болели, голова гудела, и мир вокруг временами вращался и ускользал. Накатывал сон, и Люк прикладывал недюжинные усилия, чтобы не уснуть.

– Нельзя отдавать ключи, – медленно произнес Тхан и прищурил один глаз.

Он будто бы заинтересовался словами Мэй и теперь, слегка наклонив голову, присматривался к ней.

Мэй нервно облизала губы и ничего больше не сказала. Она не собиралась откровенничать с Тханом, и правильно. В нынешние времена никому нельзя доверять.

– Вы отдадите ключи Маре. Она освободит Гайноша. А после запустит новый цикл, и вы уже нигде не укроетесь от роботов. В первую очередь она пожелает уничтожить Люка, твоего отца и тебя, мелкая, – четко и безжалостно сказал Тхан. – Вы ее личные враги. Враги номер один.

– Я не могу позволить моему отцу умереть, – совсем тихо сказала Мэй.

Ее слова утонули в треске костра, в шелесте ветра и в мягком шорохе многочисленных драконьих чешуек. Но Тхан ее услышал.

– Твой отец умрет. Одна жизнь ради того, чтобы уцелели остальные жизни. Это правило, которым руководствовались командоры Птичьих отрядов. Одна жизнь ничего не значит. Жизнь народа значит все. Правило войны. Восемь ключей, которыми вы сейчас владеете, нельзя отдавать Маре. Эти ключи вернут к жизни все девять серверов, поднимут из-под земли огромную мощь, которую вы даже представить себе не можете. Они разбудят такие машины, о работе которых вы не имеете ни малейшего представления. Они вернут из небытия настолько мощную цивилизацию, что равной ей практически нет. Цивилизация роботов не имеет себе равных, кроме разве что иимцев.

– Кого? – Люк резко поднял голову.

– Это Деревья. Для вас они предстают в образе деревьев. Их настоящее название мы не можем выговорить, мы не владем их сложным и многоуровневым языком, в котором имеются не только звуки, произносимые с помощью рта. Энкью называли их иимцами. Птичьи отряды называли их Гигантами.

– А Дети Неба? Они нам помогут. Мы можем обратиться к ним за помощью! – быстро сказала Мэй и подняла глаза на Тхана.

В ее взоре было столько надежды, что Люк не выдержал и отвернулся.

– Дети Неба не станут менять восемь ключей на жизнь одного аборигена. Это не равноценный обмен, – ответил Тхан. – Правило значимости народа против одной жизни придумано энкью, так называемыми Детями Неба. Это они вводили правила для войны. Для них жизнь Гайноша не значит ничего. Но вы должны их известить о том, что сейчас происходит. Хотя я уверен: они уже знают.

– Ты врешь. – Мэй снова заговорила тихо, но в ее словах все больше и больше проскальзывало отчаяние. – Я думаю, что Дети Неба помогут нам. Надо лететь к ним.

– Я вас отвезу, если вы этого хотите. Уже к утру будем у них. – Тут же согласился Тхан.

– Ты думаешь, что Дети Неба знают о том, что происходит? – решил уточнить Люк.

– Все восемь ключей возвращены к жизни и запущены в работу. Вы вытащили их из небытия, и сейчас каждый действующий робот чувствует их. Я их чувствую. Каждый дракон

их чувствует. Каждый искусственный механизм, каждый синтетик. Такую мощь нельзя пропустить. Я думаю, что иимцы их тоже чувствуют, ведь это их технологии. Это они их создавали.

– Это было ошибкой, доставать ключи... – пробормотала Мэй.

Тхан ее услышал.

– Возможно. Сейчас сложно предположить, как бы развивались события, если бы ключи оставались в своем хранилище. Возможно, их все равно бы нашли. Если пророки вернулись к жизни – они будут искать ключи. Я склоняюсь к мысли, что вы все сделали правильно. Во всяком случае, ключи от древней и мощной цивилизации сейчас в руках у вас, – сказал Тхан.

Тхан прав. Неизвестно, к кому могли попасть восемь первичных ключей, если бы Мэй не достала их. Сейчас в Храме Живого металла – или на Первом сервере, как называли его раньше – царит хаос. Старые правила попорчены, Всадники готовятся к войне и рожают из Живого металла новых драконов. Но они хотя бы управляют этими драконами. А что будет, если к жизни возродятся машины, не подчиняющиеся людям?

Люк хмуро улыбнулся и протянул ладони к огню.

Говорить ему не хотелось.

Где-то за спиной шумел океан, и шорох волн, набегающих на песок, присоединялся к шуму ветра в верхушках деревьев. От воды и от высоких скал тянуло прохладой. Небо хмурилось, порывы ветра становились все резче, крепче и холоднее. Облака скользили по небу с драконьей скоростью, и их темные силуэты напоминали громадные машины.

Рукоять меча временами холодила ладонь так, что хотелось подобраться к горячему костру поближе.

Мрачная реальность обрушилась на них подобно порывам грозового ветра. Гайнош в плену, и Тхан сейчас говорит ужасную правду с железной бездушностью машины. Он совершенно правильно и верно представляет ситуацию, и его советы до жути логичны. Настолько логичны и правильны, как могут быть логичны рассуждения робота.

Рассуждения дракона.

Но вот только Тхан – не семейный дракон, и эта разница выбивала из колеи. Люк не знал, чего ожидать от Тхана. Древняя черная машина не вписывалась в его представления об отношении драконов и Всадников.

Енси не рассуждал бы о целесообразности спасения жизни своего хозяина. Он бы просто спасал жизнь. Он бы подчинился с гибкостью и силой, помог бы найти выход и не сверкал бы желтыми глазами с уверенностью машины, которая всегда права.

Люк знал, что такое смерть отца. Ему до сих пор снился тот жуткий бой, в котором Хмус остался без своего наездника. И момент, когда фигура отца летела вниз, к серым скалам, и разбивалась о неумолимые, усеянные валунами скальные выступы, снился ему гораздо чаще, чем хотелось бы.

Для Мэй смерть отца означает, что она останется совершенно одна. У нее никого больше не будет, кроме Люка. Останется только Люк и его семья...

Нельзя допустить, чтобы Гайнош погиб.

Да, Тхан сейчас говорит абсолютно правильные и логичные вещи. Нельзя в здравом уме отдать Маре первичные ключи, будь они неладны. Но и оставить Гайноша погибать тоже нельзя.

Люк переложил рукоять меча в другую руку, сжал ее и перевел взгляд на свою мать.

Еника молчала. Она никогда не встревала в военные советы. Раньше ее бы даже не подпустили к костру, за которым мужчины обговаривают предстоящую охоту. Но сейчас всеобщая беда обесценила прошлые традиции и заставила их всех держаться рядом друг с другом. И Люк мог видеть, как пролегли морщины на лбу матери, как опустились уголки губ и печаль заволокла родные материнские глаза влагой.

Гайнош стал для Еники помощью и поддержкой. Каким-то образом за очень короткий срок эти двое – Мэй и ее отец – умудрились стать важными членами их семьи. Значит, это не случайно, ведь Настоящая Мать ничего не делает случайно. Ничего не бывает просто так.

– Мара ждет до самого высокого Светила, правильно? Как мы можем убедиться, что Гайнош еще жив? – спросил Люк у Тхана.

– Да, она требует, чтобы вы доставили ей восемь ключей до момента наивысшего стояния Светила. До завтрашнего зенита. Она может предоставить доказательства того, что Гайнош жив, – ответил Тхан.

– Мы можем увидеть Гайноша? Можем поговорить?

– Ты хочешь, чтобы я отправил ей запрос на связь? – уточнил Тхан.

– Да. Я хочу именно этого. Мы должны быть уверенными, что она нас не обманывает. И она должна быть уверена, что мы согласимся на обмен. Это даст нам время. Отправляй ей запрос. Мэй, дай мне ключи, я хочу на них взглянуть.

Мэй сидела рядом, потому просто отстегнула от пояса сумку и протянула ему. На короткий миг Люк прикоснулся пальцами к ее ладони и почувствовал тепло живой плоти. Это так отличалось от холода рукояти меча...

Кожаный мешочек, плотно затянутый на шнурок, оказался довольно тяжелым. Легендарные древние ключи обладали весомой значимостью, подумал Люк и усмехнулся.

Вытряхнул на траву содержимое, и ключи, с тихим мелодичным звоном стучаясь друг о друга, заблестели в свете костра. Они буквально взорвались разноцветным сиянием: голубым, синим, бирюзовым, зеленовато-серым. Большинство ключей были овальной формы или походили на каплю, большую голубую каплю, полную вспыхивающих искр.

Но были и квадратные ключи – три штуки. Гладенькие, темно-синие, они не хранили на своей поверхности ни картин, ни знаков. Они молчали, ожидая своего времени. Их еще не запустили в работу. Или они сами еще не до конца заработали.

Люк повертел один из ключей, после достал свой кулон, который по-прежнему висел на кожаном шнурке, и приложил к квадрату первичного ключа. Два совершенно одинаковых квадратика из Живого металла вдруг вспыхнули ярким синим сиянием, и первичный ключ заработал.

Он стал горячим, после побелел и наконец приобрел довольно четкий розовый цвет, словно Светило, что едва выплыло из-за горизонта. И вот на нем появилась картинка. Первичный ключ показал лицо какого-то мальчика, примерно того же возраста, что на кулоне Люка. А потом появился неизвестный иероглиф.

Люк, повинаясь внутреннему чутью, быстро осмотрел рукоять меча: на ней оказался точно такой же знак.

– Что ты делаешь? – не понял Тхан.

– Пытаюсь разобраться.

– И как? Разобрался?

– Не совсем...

– Мара сказала, что желает с вами связаться. Вы можете поговорить с ней прямо сейчас. Кто будет говорить? – спросил Тхан.

– Я буду говорить с Марой, – решительно сказал Люк и, морщась от боли, поднялся.

3

Порыв холодного ветра растрепал пламя костра, засыпал влажную траву горячими искрами и пригнул к земле травы за спиной Люка. Запахло солью и гнилыми водорослями, резкий запах ворвался неожиданно и смешался с запахом дыма и горячих лепешек.

Люк поднял голову и увидел, как темная громадная туча медленно наползает на Буймиш и закрывает собой большую часть неба. Близилась гроза.

Подняться удалось не сразу. Мир вокруг качался и прыгал. Расплывался неясными пятнами и превращался в одну темно-синюю размытость, пахнущую солью, водорослями и дождем.

Мэй поддержала его, и Люк с благодарностью принял помощь своей девушки. Тонкая, гибкая рука Мэй обхватила его поясницу, и равновесие было установлено. Отлично. Похоже, он сможет доковылять до дракона.

Тхан шурил внимательные желтые глаза и наблюдал. Он все время наблюдал, Люк это чувствовал. Временами этот слишком умный дракон раздражал, но выбора у них сейчас не было. Тхан нужен. Иначе вся семья окажется беззащитной перед лицом надвигающейся опасности.

– Мы тоже хотим смотреть, – торопливо пробормотал Ник, вытер ладони о траву и кинулся к дракону, подпрыгивая на ходу.

Жак молча последовал за братом.

Ладно, сейчас, похоже, их всех ждет небольшое развлечение.

Тхан тем временем приподнял громадное крыло, раскрыл его так, что пластины-перья разошлись широким веером, слегка потряхнул им, и многочисленные чешуйки у основания крыла вспыхнули ярко-синим цветом. После побелели, и под крылом образовался светящийся квадрат.

Он был полупрозрачным, этот квадрат, и за ним виднелась высокая трава с рассыпанными в ней мелкими бутонами.

Люк с помощью Мэй едва успел приковылять к Тхану, как на квадрате появилось лицо Мары. Глаза старой женщины едва не метали молнии, губы сжались в тонкую нитку, а четкие черные брови сошлись у самой переносицы. На Люка, Мэй и его братьев взирала жестокая древняя воительница, познавшая немало битв за свой длинный век.

– Осторожно, Люк, – очень тихо сказала мать, но он услышал.

Ее заметно кивнул и сказал, медленно выговаривая слова:

– Ты меня слышишь, Мара?

– Очень хорошо, Люк. Я тебя очень хорошо слышу. Вы знаете мои условия? Вы поняли, что от вас требуется?

Люк еле заметно усмехнулся. Нахалка. Спрашивает с таким видом, будто Люк и Мэй – ее послушные машины для исполнения. Ее личные драконы...

– Я понял, но мы это обговорим. Я хочу знать, что Гайнош жив. Я хочу его видеть. Только тогда мы можем обсуждать условия сделки. Если я сейчас не увижу живого Гайноша, то выкину ключи в костер, прямо у тебя на глазах. Для меня восемь ключей не представляют никакой ценности, Мара, ты ведь это понимаешь?

– Разумно. Ты более разумен, чем я думала, примитивный.

Зараза!

Она считает их всех простыми, низшими, примитивными. А себя – представителем суперцивилизации. Еще посмотрим, старуха...

Еще посмотрим.

– Вот и славно, – тихо, но жестко сказал Люк и стиснул плечо Мэй. – Мы ждем, Мара.

Мара улыбнулась. Раздвинула сжатые в тонкую линию губы и показала ровные белые зубы. У нее не было клыков – на их месте стояли точно такие же идеальные резцы, – но улыбка все равно вышла какой-то хищной и злой.

Мара не отдавала команд, но Люк понял, что ее роботы не нуждаются в устных приказах. Если она имеет постоянную связь с Тханом, то вполне может распоряжаться и другими машинами. Наверняка сейчас появятся роботы-Всадники и приведут Гайноша.

Но вместо привычных Всадников с вытянутыми головами показался робот, точь-в-точь похожий на те машины, что нападали на них во время полета на пангусе. Поблескивающее тело, длинные белые руки, гибкие пальцы. Робот привел Гайноша.

Отцу Мэй тоже досталось. Видимо, он не дешево отдал свою свободу. Разбитая губа, рассеченный лоб, кровь, залившая половину лица и уже успевшая засохнуть.

– Папа! – Мэй рванулась вперед, и Люку пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить равновесие.

Он поморщился, сдерживая стон от боли в раненой руке, и спросил Гайноша:

– Ты можешь говорить?

– Не меняйте ключи на мою жизнь, – просто ответил Гайнош.

– Ты в руках у Мары?

Вопрос глупый, но вдруг Гайнош догадается, чего на самом деле желает знать Люк.

А дело было только в том – успел ли Гайнош спрятать Третий ключ. Тот самый, который является первичным.

– Не все так, как бы ей хотелось. – Гайнош сделал попытку усмехнуться, но разбитая губа его не слушалась.

– Я понял. Я видел Гайноша, Мара. И я бы хотел, чтобы ты обработала раны нашего человека. Иначе это будет не равноценный обмен. Я ведь тоже могу повредить ключи, ты же понимаешь. Помоги нашему человеку, если хочешь получить ключи целыми и невредимыми.

– Слишком много требований, Люк. – На экране появилась злая Мара, а Гайноша вновь увели роботы.

– Но это будет справедливо, согласись. Мы раздобыли для тебя восемь ключей. Разве мы не заслужили награду? А ты вместо этого схватила нашего человека, избива его и сейчас угрожаешь всем нам. Так не пойдет. Мы владем тем, что тебе по-настоящему нужно. Тем, что тебе дорого. То есть наш товар ценен для тебя, правильно я понимаю, Мара?

– Слишком много слов, Люк. Коротко.

– Итак. Наши условия. Мы устали и нам тут тоже крепко досталось. Я не могу сейчас никуда лететь и предлагаю перенести нашу встречу. Скажем, на завтра, на закат Светила. У белого моста Бен-А-Эльси. На закате у моста ты получишь восемь ключей, мы получим Гайноша. С нами будет Тхан, и он за нас, ты понимаешь, правильно?

– Каким образом вы подчинили себе дракона? – не удержалась от вопроса Мара.

Ее глаза неотрывно смотрели на Люка, точно пытались прожечь его насквозь. Будто старая воительница настолько ненавидела Люка, что желала убить его одним лишь взором.

– Мы умеем владеть драконами, Мара. Я все сказал, разговор окончен. До завтра, до заката.

Тхан тут же хлопнул крылом. Экран погас.

Ветер вновь пронесся над травами, рванул ветви деревьев, и с неба упали первые капли дождя.

4

Палатки ставили Ник и Жак. На острове было припрятано немало продуктов и шкур, ведь Люк часто бывал тут вместе с братьями, сестрами и Мэй. Потому нашлись шкуры для крыши, нашелся топорик, чтобы выточить колья, и нашлись подушки для удобной постели.

Большая палатка делилась на две части частокотом из тонких прутьев. С одной стороны спали девочки. Две малышки так тесно прижались друг к другу, что их волосы смешались на оранжевых подушках, а ноги переплелись, и уже нельзя было разобрать, где Ейка, а где Гимья. Нгака спала с краю, и ее кисть свешивалась с края мьёковой шкуры.

– Тхан будет нас охранять, – сказал Люк и забрался под крышу палатки. – Я должен поспать.

– Что мы будем делать, Люк? Мы... мы отдадим ключи? – спросила Мэй.

– Нет.

– Тогда что?

– Спи, Мэй. У меня уже нет сил не то что говорить, даже смотреть. Завтра мы будем думать. Сейчас надо отдохнуть. Мы выиграли время, и это хорошо...

Последние слова Люк пробормотал уже лежа на вытертой старой мьёковой шкуре.

За стенами палатки, сделанной из вбитых в землю толстых деревянных кольев, шел дождь. Плотная кожаная крыша спускалась почти до самой земли и надежно защищала от влаги, потому внутри было сухо и почти тепло. Но все равно Люк слишком хорошо слышал, как падает в травы вода, как стучит по листьям деревьев и барабанит по натянутой шкуре.

Тхан остался на поляне у потухшего костра.

Если бы он хотел предать и забрать ключи, он давно бы это сделал. В данный момент он поддерживает людей, но как долго это будет продолжаться?

Люк вздохнул, устраивая поудобнее раненую ногу. Он не желал получать милостыню от робота и зависеть от него.

Но в данный момент ничего другого им не оставалось. Не было даже Енси, чтобы на нем улететь. Был только Облак, который устроился у палатки и время от времени стучал хвостом, тем самым развлекая себя. А Енси... Енси теперь стал чужим драконом и будет выполнять чужие поручения.

Люк с трудом подавил в себе поднимающееся пламя злости. Вспомнился Инак, в голову которого вонзился меч. Тот самый меч, что лежит сейчас в ножнах на поясе Люка. А пояс ему дала Мэй, она нашла его в Храме Живого металла. Старый пояс, покрытый незнакомыми иероглифами.

Пояс казался твердым, прошедшие годы превратили мягкую кожу в плотный, неподатливый материал. Удобные застёжки держали крепко, и ножны меча идеально крепились на поясе. Люк умудрился забрать меч перед тем, как запрыгнул в летающий прозрачный шар. Выдернул оружие из головы погибшего Инака, успев перед тем заглянуть в погасшие глаза бывшего друга.

Сожалений Люк не испытывал, только злость, которая не угасала со временем, а лишь наливалась жаром, как угли, присыпанные пеплом и хранящие в себе огонь. Никто не смеет причинять вред его семье, никто!

Тем более бывшие друзья!

Пусть отцы клана знают, что всякий, осмелившийся поднять руку на его семью, погибнет точно так же, как Инак!

– Люк... – послышался тихий голос матери.

Еника присела рядом с сыном, провела прохладной рукой по его лбу, убрала волосы с висков. Ласковые прикосновения были приятны и напоминали о далеком детстве.

– Ты же спасешь Гайноша, правда, сынок? – сказала мама.

Шевельнулась Мэй, которая спала рядом. Привстала, и Люк понял, что она сейчас смотрит прямо на него и пытается в темноте рассмотреть лицо и угадать ответ.

– Спасу, наверное... – еле проговорил он, пытаясь бороться с навалившимся сном.

– Ты отдашь ключи? – прошептала Мэй.

– Отдам...

5

Под утро Люк увидел сон.

Он летел на большом черном драконе, и это был Хмус, отцовский дракон. Железная скотина то и дело скалила зубы, мотала башкой и пыталась послушаться своего Всадника. Люк знал, что должен выручить отца. Отец упал, раненный, но его еще можно спасти, надо просто вернуться и опуститься на скалы.

Надо приземлиться и отыскать отца. Обязательно надо его отыскать...

Люк видел, как внизу проносились острые зубья скалистых отрогов, видел верхушки деревьев, росших у подножия скал.

Он пытался затормозить и развернуть дракона, но Хмус летел вперед и не реагировал на команды. Люк принялся кричать, и это тоже не помогло. Дракон несся в пустыню, и под его брюхом неожиданно показался песок – оранжевый, яркий, горячий песок.

Хмус снизился, распластал крылья, готовый к посадке, и Люк увидел двойные двери, сделанные из Живого металла. Темно-синие, почти черные двери, в которых отражалась раскрытая пасть яростного дракона.

Глава 2

Мэй. Каждый Всадник умеет работать с Живым металлом

1

Остров изменился. Теперь он казался холодным, темным и подозрительным. Его густые заросли, высоченные деревья и отвесные скалы уже не манили с прежним гостеприимством. Остров был полон темноты. Она таилась везде, и даже старательный костер не мог разогнать тени.

Пока сидели у костра, пока рассуждали о том, что же теперь делать, Мэй еще удавалось отогнать страхи. Но едва она увидела избитое лицо отца на полупрозрачном экране, увидела рассеченную бровь и кровь, заливавшую правый глаз, – вся храбрость улетучилась.

Отец всегда означал безопасность и стабильность. Он заботился и поддерживал, он мог найти выход и справиться с любой бедой. И вот сейчас беда поглотила его самого.

И Мэй ничем не могла ему помочь, она была бессильна!

А Люк был хмур и молчалив. Он тяжело опирался на плечо Мэй и скупыми, отрывистыми словами договаривался об обмене. И это немного утешало. Возможно, отец уцелеет. Возможно, они спасут его.

Но какой ценой?

Мэй запретила себе думать об этом, но мысли все равно лезли. Ползли, как безногие черви зимонааки.

Мара ведь действительно воспользуется ключами и возродит всех своих дурацких роботов. Что тогда делать? Где спастись? Несколько десятков летающих роботов-змей, так называемых Гадин, нападающих на Города, – это ужас. Ужас, от которого нет спасения.

И если первую Гадину удалось уничтожить ценой жизни Енси, то кто остановит остальных?

И можно было только догадываться, какие еще машины дремлют в глубине остальных серверов.

Тесная палатка не спасала от холода, потому Мэй прижалась к теплому боку Люка, положила голову ему на плечо и старалась уснуть. Она хотела выкинуть из головы жуткие мысли, но ничего не получалось.

Будущее для них всех просто не существовало. И если завтра они спасут Гайноша, то милый островок уже не сможет укрыть от вездесущих роботов. Где они найдут пристанище? Как смогут одолеть воинствующие машины?

А Люк между тем уснул довольно быстро, и его ровное дыхание да шум дождя теперь создавали еле уловимый уют, скрашивающий скромную палатку.

И вот едва Мэй погрузилась в благодатную сонливость, в которой не было безнадежных мыслей, как резкий крик прервал дремоту. Кричал Люк.

Он подскочил, тяжело дыша, пробормотал что-то про вошей и матерей и схватился за раненую руку.

– Люк, ты чего? – поднялась Мэй.

Дождь все еще стучал по крыше палатки, где-то рядом заворочался Ник, что-то пробормотал и снова затих.

– Приснилась какая-то ерунда, – проговорил Люк и медленно улегся.

Он был горячим, как печка.

– У тебя, наверное, температура, – сказала ему Мэй, и тревога снова сжала внутренности металлическими тисками. А вдруг у Люка та самая песчаная лихорадка, что была у отца? А лекарства, которые они своровали в Городе, давно уже закончились...

– Обними меня, Мэй, – прошептал Люк. – Покрепче обними.

– Что тебе приснилось?

Люк вздохнул и промолчал.

– Ты не хочешь мне рассказать? – не унималась Мэй.

– Утром. Давай все утром. Прижмись ко мне, и ты согреешься.

– Тебя самого трясет от холода. Вот бы сюда хоть одно одеяло...

Все шкуры, что у них были, пришлось постелить на срубленные ветви деревьев, которыми покрыли пол палатки. Лежать на таком ложе было мягко и удобно, но зато укрыться не получилось, не хватило шкур.

– Завтра раздобудем одеяло. Завтра все у нас будет... – пробормотал Люк, погружаясь в сон.

А Мэй снова не могла уснуть. Теперь ее одолевал страх, и стоило закрыть глаза, как виделось мертвое лицо Инака, кровь, смешивающаяся с Живым металлом в источнике, искаженное страхом лицо Ника и чудились жуткие слова, выкрикиваемые сотнями глоток.

Боги! Месть!

2

Утро выдалось мокрым и зябким. Едва серый рассвет выполз из-под верхушек скал, как Мэй проснулась. Тепло спящего Люка хорошо согревало, но пальцы ног все равно мерзли. Ее льёсы, пристроенные в углу палатки, оказались все еще влажными после дождя, но смены не было.

Натянув мягкую обувь, Мэй выбралась наружу, потянувшись, разминая скованные после сна мышцы, подняла голову и посмотрела на затянутое облаками небо.

Что принесет им этот день? Чего ждать уже сегодня вечером?

Вздохнув, Мэй направилась к реке. Дорогу к ней она знала хорошо, потому шагала через лес, напролом, не отыскивая тропок, не огибая кустарник и заросли памельни- ^ ка. На берегу,

забравшись подальше, к тому месту, где река делала поворот и деревья полностью закрывали русло, смыкая ветви над водой, она стянула с себя одежду и нырнула.

Прохладная вода прогнала остатки сна. Течение подхватило и увлекло, мягкий ил приятно охлаждал пятки, мелкие листочки еле заметно дрожали над самой головой. Все вокруг было привычным, родным и безопасным. И хотелось думать, что весь день будет таким: спокойным и добрым.

Хотелось думать, что нет никакой войны, никаких первичных ключей и вместо грозного Тхана на поляне лежит добрый и родной Енси.

При мысли о Енси Мэй чуть не заплакала. Она вспомнила маленького дракончика, который выбрался вчера из источника в Храме, и слишком остро ощутила потерю. Енси теперь принадлежит другим. А ведь эта машина была ее драконом!

Обратно Мэй шла протоптанной тропой, ведущей на большую поляну, где обычно жгли костры и где теперь лежал Тхан, – так было короче и быстрее. И, едва выбравшись из-под густых крон деревьев, она сразу же уперлась в толстый драконий хвост. Четыре костяных шипа, достающих почти до талии Мэй, и круглый металлический наконечник – вот что украшало хвост древнего дракона. Одного удара таким оружием было бы достаточно, чтобы развалить небольшой двухэтажный домик.

Хвост лежал в траве и время от времени беспокойно двигался. На черной чешуе вспыхивали крохотные голубые искры, а чуть выше, на спине дракона, более крупные чешуйки и вовсе сияли синими узорами, придавая дракону необыкновенное величие.

Хвост дернулся в сторону, примял траву, и Мэй увидела, как парочка потухших чешуек отделилась и упала на землю. На их месте уже появилась новая чешуя – видимо, таким образом дракон обновлял свое тело – выпитый накануне Живой металл позволял ему восстанавливаться.

В этом, скорее всего, и был секрет бессмертия роботов. Живой металл давал им вечную жизнь.

Мэй наклонилась, подняла гладенькую черную чешуйку, провела по ней пальцем, чувствуя холод потухшего Живого металла, а после повернулась и увидела Люка.

Люк не хромал, двигался ровно и довольно бойко для человека, который несколько часов назад не мог удержать равновесие. Он подвязал раненую руку платком и временами приседал, что-то выискивая в траве. Лохматый, хмурый, покрытый синяками и царапинами, ее Люк был все-таки жив и сейчас находился рядом.

Если бы еще удалось спасти отца!

– Холодное сейчас утро, – проговорила Мэй и увидела, как Люк снова что-то подобрал с земли.

– Мне нужны чешуйки Тхана, – быстро пояснил он.

– Зачем?

– Нам надо обмануть Мару. Сделаем для нее ложные ключи.

– Как сделаем? – не поняла Мэй.

– Увидишь. Собери для меня наиболее крупные чешуйки. Хорошо бы они еще немного светились – такие будут лучше всего. А дальше ты увидишь.

Задача совсем не сложная, чешуек с огромного дракона нападало предостаточно, осталось лишь собрать их и сложить в небольшой кожаный мешочек.

– Чем вы заняты? – полюбопытствовал дракон, уставившись на них хитрыми желтыми глазами.

– Хочу сделать ложные ключи для Мары из твоих чешуек, – пояснил Люк.

– Умеешь работать с Живым металлом? – поинтересовался Тхан.

– Думаю, что ключи сделать смогу, это не сложно.

Когда мешочек оказался полным, повернули к стоянке, туда, где уже потрескивал костер, разведенный на старом кострище.

Люк не объяснял, как будет изготавливать поддельные ключи, не рассказывал, как собирается их менять. Его молчаливая сосредоточенность и хмурая решимость отбивали всякое желание задавать вопросы. Потому Мэй лишь послушно собирала топливо для костра и так же послушно отмывала от каши большой железный казанок с закопченным днищем.

Казанок этот назывался островным, потому что сберегался в мелкой пещерке вместе с вытертыми шкурами и парочкой подушек, так, на всякий случай. Про запас, как поясняла хозяйственная Тигаки. Им не пользовались, лишь складывали в него мешочки с мукой, зерном, бобами и приправами. Обычно, когда ночевали на острове, еду привозили с собой – немного лепешек, мясо и кувшин с кинелем.

Но этим утром островной казанок наконец-то оказался востребованным. Мама Еника сварила в нем кашу, щедро насыпав в нее приправы, а после Люк попросил как следует его отмыть, не поясняя, для чего.

Впрочем, пояснять и не надо было. Мэй догадывалась, что драконьи чешуйки будут расплавлены, а после им следует придать форму ключей. И тогда они вполне сойдут за настоящие, если, конечно, к ним особо не приглядываться.

Трудились целый день. Сначала Люк вырезал из дерева небольшие формочки – емкости, повторяющие форму восьми первичных ключей. Твердая древесина – кусок сухой ветки, которую Люк подобрал в лесу – поддавалась медленно и тяжело, и с ней пришлось повозиться. Лишь после обеда восемь формочек были готовы.

Небо над головой весь день оставалось затянутым облаками, ветер то слабел, то принимался дуть с новой силой, и потому все семейство не отходило от двух высоких костров, горевших посередине поляны. Мальчишки наблюдали за работой Люка и давали бестолковые, но бойкие советы с видом бывалых воинов. Девчонки помогали матери печь лепешки.

Мяса не осталось ни кусочка, и Мэй понимала, что самое время провести закрытых в пещерах мьёков. Привезти им воды и травы и, возможно, забить хотя бы одно животное. Это понимал и Люк, но он работал молча, с какой-то злой, яростной сосредоточенностью. И ему никто не мешал.

Тхан тоже наблюдал. Он так и пролежал на поляне целый день, лениво шурясь на огонь, медленно двигая огромным хвостом и время от времени кидая на Люка хитрый, умный взгляд.

Пообедали торопливо, запив лепешки водой из ближнего ручья. А после Люк кинул в казанок драконьи чешуйки и пристроил посудину над огнем, над горячим кругом камней, внутри которого пылали жаром угли.

– Попробуем, – тихо сказал он, присаживаясь на корточки.

Ник и Жак тут же устроились рядом, сложили руки на коленях и принялись ждать с таким деловым видом, что Мэй невольно улыбнулась, глядя на их сведенные над переносицей брови и лихорадочно блестящие глаза.

Чешуйки в казане не торопились плавиться. Невысокий огонь под днищем бросал вверх белые искры, угли шипели и потрескивали, жар от костра нагревал камни и траву. Но чешуйки долго оставались целыми и ровными, как будто раскаленные стенки казанка не могли причинить им ни малейшего вреда.

– Что теперь? Когда они станут Живым металлом? – нетерпеливо спрашивал Ник и то и дело порывался сунуть в огонь ветки потолка. – На таком маленьком огне они точно не расплавятся...

– Надо иметь терпение, – устало приговаривал Люк и время от времени потирал раненое колено.

Рана его успела закрыться, но все равно иногда беспокоила.

– Так мы будем сидеть тут до самой ночи, а после до самого утра, и Мара убьет Гайноша, – не унимался Ник.

– Действительно, Люк, почему они не плавают? Светило уже опустилось за края скал. Что ты будешь делать? – забеспокоился Жак.

Люк лишь выставил пятерню, продолжая наблюдать за костром.

Мэй чувствовала себя так, словно бы она потерялась во времени. Словно бы пропало прошлое и исчезло будущее, и вокруг осталась лишь неопределенность. Она недоверчиво наблюдала за драконьими чешуйками в котелке, чесала ладони, саднившие от множества собранных сухих сучьев, и бросала в небо тревожные взгляды.

Мэй боялась роботов, боялась Всадников и постоянно думала: а вдруг на них нападут? Вдруг найдут их скромное укрытие? Вдруг Мара догадается, где они находятся, вычислит по своим картам и обрушит на крохотный остров всю мощь своих металлических Всадников? Что тогда станется?

Защитит ли их Тхан или, распахнув огромные крылья, переметнется на сторону своей цивилизации? Ведь роботы-Всадники – это его братья...

Но вслух свои опасения Мэй не высказывала, не желала нагнетать обстановку и тревожить и без того взвинченных Жака и Ника, пугать девчонок.

Грустные размышления Мэй прервал победный вопль Ника.

– Ого! Они стали белыми! Совсем белыми!

Тигаки, Нгака, Ник и Жак тут же тесно обступили костер. Мальчишки аж рты пооткрывали от удивления. Но Люк тут же прервал их восхищение, решительно оттеснив всех от раскаленного котелка.

– Быстро ушли! Иначе получите палкой! Бегом!

Тигаки буркнула что-то о старших, которые воображают себя слишком умными, и взялась оттаскивать в стороны непокорных братьев.

– Тхан, добавь еще огонька. Тонкой струей, совсем чуть-чуть, под самое дно. Сможешь? – спросил Люк, и его лицо, склоненное над костром и освещенное ярко-оранжевыми отблесками, вдруг показалось строгим, суровым и жестким, точно статуя забытого бога Хамура, выточенная из цельного куска камня.

Мэй невольно залюбовалась Люком. Она видела его всяким: довольным, веселым, злым и даже яростным. Больным и уставшим. Но таким вот – поглощенным таинственным мастерством, погруженным в свои мысли и полностью увлеченным работой, – таким ей еще не доводилось его видеть.

Люк походил на древнего могущественного жреца, знающего старые, давно забытые секреты. Молчаливый, хмурый, покрытый царапинами и шрамами, с забинтованной рукой, он являл собой красочное зрелище. А когда взялся командовать Тханом, отдавая указания, то и вовсе показался Мэй прямо могущественным воином, которому подчиняются большие, страшные драконы.

Тхан тут же вытянул шею, и из его пасти показался четко направленный луч, только это был не огонь. Тхан умело направлял лазерный луч, нагревая дно казанка до нужной температуры.

Люк не удивился этой способности большого дракона. Он вдруг повернулся и позвал:

– Иди посмотри, Мэй. Вот так можно использовать Живой металл.

Мэй приблизилась и увидела, что все чешуйки внутри казанка расплавились и превратились в абсолютно белую массу, немного прозрачную, густую и тягучую. Масса не казалась горячей, но от самого казана буквально исходил жар.

Мэй отпрянула и вытерла лоб, стараясь убрать пот с лица.

– Он белого цвета, – пояснил Люк, – потому что это погибающий металл. Он уже отработал свое. Настоящая плазма всегда синяя или голубая. Но мы можем сделать из этого металла

ключи. Они не будут обладать особыми свойствами, просто металлические штучки. Но Мару мы обманем.

– Она распознает подделку, – осторожно заметила Мэй.

Конечно, Мара может распознать подделку, едва возьмет в руки хоть один поддельный ключ. Ведь она может читать программы, она же робот. Это человека можно было бы обмануть таким фокусом, но не робота Мару!

– Нет. Потому что сверху будет лежать парочка настоящих ключей.

Мэй кинула на Люка удивленный взгляд, но спрашивать не стала. В этот момент Люк с помощью специальной деревянной рогатки, которую выточил до этого, подхватил казан под ушки и взялся выливать белую массу в приготовленные формы.

Хватило на все восемь ключей. Масса застывала прямо на глазах, и Люк, отбросив казан в сторону, проворно перевернул формы. На плоский камень с легким звоном посыпались квадратные и овальные кулончики, все еще продолжающие темнеть. И не успела Мэй глазом моргнуть, как перед ней оказались гладенькие черненькие ключи, сильно походившие внешне на оригинал.

– Как быстро они поменяли цвет, – заметила Мэй.

– Это погибающий металл, он быстро остывает. Его нельзя перегреть, иначе рассыплется в пыль, – пояснил Люк. – Мы раньше делали игрушки из такого металла. Мой отец делал и мне показывал. Несложная работа. Каждый Всадник умеет работать с Живым металлом.

3

Светило, которое днем время от времени выныривало из-под плотной пелены облаков, теперь успело скрыться за скалами и стремилось опуститься за кромку океана. И днем особенного тепла не было, а к вечеру ветер настолько окреп, что Мэй с удовольствием натянула на себя толстую безрукавку из оранжевого меха и даже надвинула капюшон на самый лоб.

Младшие девочки жались к костру, Ник и Жак рыскали в поисках сухого топлива на ночь. Еника торопливо вымешивала тесто.

Приближалось время для полета, но сначала надо было подкрепиться. Мама Еника настояла на том, чтобы Люк и Мэй съели хотя бы по паре свежих горячих лепешек.

– Это придаст вам сил, – коротко пояснила она.

Тигаки взялась помогать. Перевязав две растрепанные косы кожаным шнурком, чтобы не мешали, средняя сестренка Люка осторожно и неторопливо подсовывала плоский ровный камешек в самую середину раскаленных углей. Костер для приготовления пищи развели немного в стороне от того пламени, где Люк создавал свои ложные ключи. И теперь он прогорел до жарких углей, на которых вполне можно было напечь лепешек. Плоский камешек – гладенький, найденный в русле реки и идеально обточенный быстрыми водами – послужил вместо сковородки.

Тигаки склонялась над углями, и отсветы огня окрашивали ее кожу в оранжево-коричневый цвет, насыщенный красками ушедшего Светила, бегущих облаков и растущих на этом острове цветов. Худенькие, проворные пальчики сестренки Люка отлично справлялись с работой, и вот уже камень прочно устроился, окруженный углями, и Тигаки шлепнула на него первую лепешку. Воздух наполнился запахом муколки и пряных трав. Внутри теста находились масляные семена одного из фруктов, растущих на острове. Фрукт не имел названия – в школах Города о нем не догадывались, – а здешние Всадники называли его «маслицем» из-за диковинных семян. Сам фрукт в пищу не годился из-за неприятного вкуса, но его семена, достаточно жирные и мягкие, очень хорошо сочетались с зерновыми. И потому лепешки с семенами «маслица» получались вкусными и сытными.

Убедившись, что лепешка хорошо пропекается снизу и с боков, Тигаки убрала тыльной стороной ладони надоедливые пряди волос, выбившиеся из кос, улыбнулась сама себе, словно была довольна собственными трудами, и затянула песню, тщательно выводя мотив низким и сильным голосом.

*Наше красное Светило закатилось на покой.
Землю мглою ночь накрыла, и за дальнею звездой
На цветущие поляны, где ручьев поющих звон,
Опустился гость незванный – огнедышащий дракон.*

Медленный напев растянулся над кострами, травами и повис грустными нотами в сгущающихся сумерках.

Тхан повернул голову, прищурил желтые глаза и растянул пасть в странной, зловещей улыбке.

*Шире неба его крылья, ярче звезд его глаза,
От огня его пылают горы, склоны и леса.
Берегись, дитя, дракона, в темноте он прилетит
И огнем дома наполнит, никого не пощадит...*

Последнее мрачное предупреждение печальными звуками пронеслось над поляной, и наступила тишина. Замолчали младшие девочки-щебетуны, умолкли вечно спорящие близнецы. Нахмурилась Еника.

– Чего это ты решила петь такие песни? – спросила она, пододвигая к костру большую глиняную миску с тестом.

Тигаки ничего не ответила.

– Не к добру такие песни перед полетом. Не пой больше, – коротко велела мама Еника и, выпрямившись, подняла лицо к небу.

– Храни нас всех Настоящая Мать, – добавила она.

Мэй почувствовала, как волосы на ее голове вдруг поднимаются дыбом от жутких предчувствий.

Действительно, зачем Тигаки вдруг спела эту песню? Странную, незнакомую, никогда не слыханную ранее песню? Смысл этих слов однозначен – драконы ужасны и их надо бояться.

Но разве Всадники боятся драконов? Разве они стали бы складывать песни о том, что железных машин надо остерегаться? Для них дракон – член семьи, чуть ли не родственник. Они любят своих драконов...

Люк дотронулся до руки Мэй и сказал, что им пора.

Лепешки были съедены, оружие прикреплено к поясам, ложные ключи сложены в кожаный мешочек.

Настоящие первичные ключи Люк тоже сложил в отдельный кожаный мешочек, немного подержал на ладони, после позвал Мэй за собой и углубился в лесную чащу.

Интересно, что это взбрело ему в голову?

Ежась от холода и необычного волнения, охватывающего ее все больше и больше, Мэй последовала за ним.

Они добрались до самой реки и там, возле излучины, у большого дерева, воздушные корни которого свисали так низко, что создавали подобие шатра вокруг ствола, Люк и закопал мешочек с ключами.

– Пусть лежат здесь. Никто не будет знать об этом месте, даже Тхан. Мы с тобой никому больше не скажем. Я взял три первичных ключа от Первого сервера, Второго и Пятого. На

всякий случай. Возможно, у нас получится выключить эти серверы. А для Мары в мешочек с ненастоящими ключами я положу сверху мой кулон. Мой настоящий кулон. Он ведь тоже ключ от Первого сервера, от Храма с Живым металлом. Только не первичный, не главный, а самый обыкновенный. Пусть Мара почувствует настоящий ключ сверху. Будем надеяться, что этого хватит, чтобы ее обмануть.

– А если не хватит? – засомневалась Мэй.

– Тогда я ее убью.

– Как ты ее убьешь? Тхан же сказал, что она стала очень могущественной.

– Не стала. Твой отец дал мне понять, что ключи от Третьего сервера Мара не получила.

Бен-А-Эльси ей не принадлежит. Иначе она бы не торговалась с нами, а давно прислала на этот остров Гадину с роботами-Всадниками внутри. Понимаешь?

– Ну... Да, наверное...

– Гайношу удалось спрятать оба Третьих ключа. Поэтому мы просто убьем Мару.

– Я не слышала, чтобы он такое говорил, – засомневалась Мэй. – Когда ты это понял?

– Понял. Неважно. Я спросил твоего отца, и Гайнош знал, что надо ответить. Пошли, пора лететь.

Мэй оглянулась, бросив последний взгляд на реку, на высокие деревья около нее, среди которых находилось теперь и дерево с зарытым под ним сокровищем. Вздохнула и последовала за Люком.

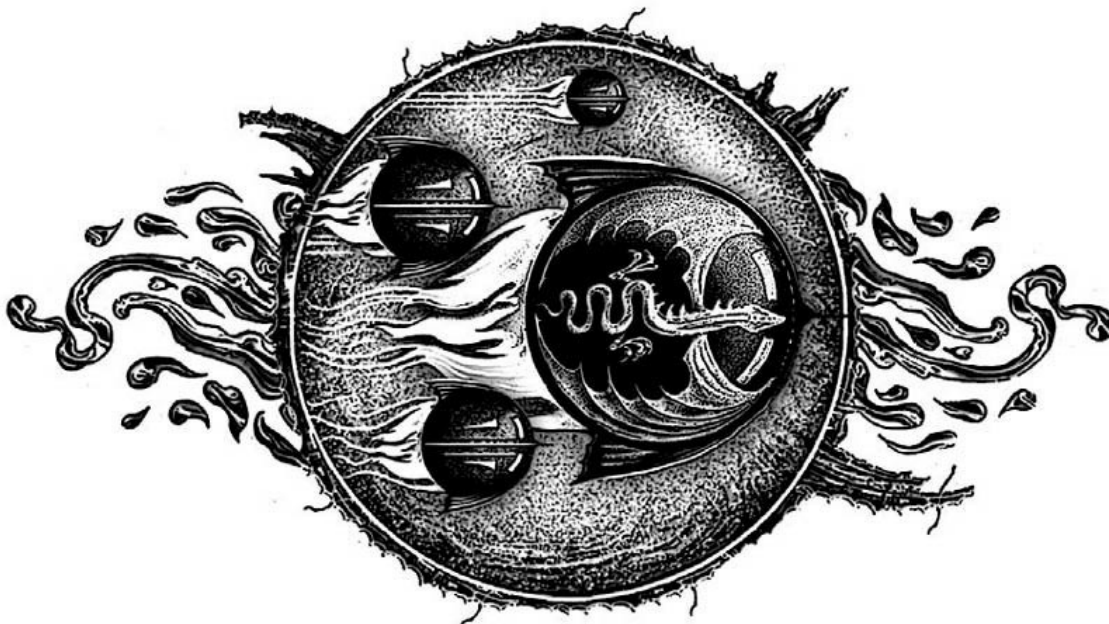
Спросила, сама не зная зачем:

– Что тебе снилось? Ты сильно кричал во сне...

– Мне снилось, что я лечу на драконе и убиваю...

Глава 3

Люк. Драконов надо убить

1

Тигаки умела красиво петь и знала множество песен. Колыбельные, песни-напутствия перед охотой, песни жениха к невесте – она запоминала их на каждом празднике около Костровой Башни.

Но почему она вдруг вспомнила старую, очень старую колыбельную с грустным мотивом, которую, по легендам, пели когда-то своим детям древние кочевники-пастухи, жившие раньше в Камлюках?

Когда-то Камлюки были степями. А в степях находились города и маленькие селения. На селения часто нападали драконы. И жители селения сложили песню-колыбельную для своих детей. Песня стала популярной, и ее пели в каждом доме. Каким-то чудом эта колыбельная сохранилась после Железной войны и дошла до племен Всадников.

Ее считали мрачным предзнаменованием, эту старую колыбельную. О ней не слишком-то говорили, и лишь выжившие из ума старухи осмеливались затягивать древнюю мелодию у семейных костров.

Мэй не знала историю колыбельной, она много чего не знала. Но и ее испугали мрачные слова, и, устроившись в седле Тхана, девчонка спросила:

– Почему твоя мама запретила петь эту странную песню?

Люк сел рядом с ней (переднее седло оказалось тесноватым для двоих, но в нем лучше было управлять полетом) и коротко ответил:

– Потому что она странная.

Не время было говорить о древних традициях и забытых предзнаменованиях. Не хотелось сообщать любимой девушке, что песня несет в себе зерно мрачных предсказаний и не Всадники ее сложили, чтобы петь своим детям. Пусть пока этого не знает, пусть будет спокойной перед полетом настолько, насколько это возможно.

Ведь Мэй и так места себе не находит от мрачных мыслей об отце. Люк отлично понимал, что чувствует сейчас его девушка, вспоминая разбитое лицо Гайноша и довольную решимость Мары. Им надо спасти отца Мэй и сохранить ключи. Очень сложная задача.

И пусть им всем поможет Настоящая Мать!

О странных колыбельных можно поговорить позже, когда все закончится, и они соберутся завтра утром у костра, все вместе, довольные, здоровые и невредимые. Тогда колыбельная уже не будет звучать жутким предсказанием.

Шире неба его крылья, ярче звезд его глаза...

Люк тряхнул головой, прогоняя наваждение, положил ладонь на рукоять меча и привычно ощутил его тяжелую прохладу. Надо думать о битве, только о предстоящей битве.

А в том, что будет битва, Люк не сомневался. Он такие вещи слишком хорошо чувствовал – сказывались годы, проведенные в драконьих сражениях.

Тхан сверкнул желтыми глазами, расправил огромные крылья – сильный ветер пронесся над поляной, пригибая к земле жаркие костры, – и взлетел. Мэй дернулась, выпрямилась и посмотрела вниз. Махнула рукой, прощаясь с матерью Люка и сестрами. Вперед, через океан, к материку!

К древнему Бен-А-Эльси!

Летели только вдвоем. Жак и Ник просились вместе с ними и даже вполне дельно объясняли, как они сумеют помочь в случае чего, но Люк не желал рисковать. У него был план, но не имелось ни малейших гарантий, что Мара не придумает нечто особенно хитрое и коварное.

Тхан заговорил сразу, едва маленький зеленый остров остался позади.

– А если Мара обнаружит подделку?

– Надо сделать так, чтобы она ее не обнаружила, – ответил Люк.

– Я согласен. Но если все-таки обнаружит?

– Мы будем тянуть время и действовать по обстоятельствам. Один раз ведь получилось, и ты удачно вписался в битву. Я имею в виду Храм Живого металла...

– Тогда было хорошо, – согласился Тхан и облизнулся кончиком языка.

Вспомнил Живой металл, зараза.

Люк не был уверен, что на Тхана можно положиться. Конечно, дракон заверил, что он с ними и желает помогать. Но кто знает, что на самом деле происходит в голове этого слишком умного дракона?

Мара не станет биться, наверняка не станет. Она не владеет роботами из подземелий Бен-А-Эльси, ведь Гайнош не отдал ей ключи. Он сказал, что «не все так, как ей хотелось». Конечно, он не мог напрямую заявить: мол, ловко избавился от ключей и Мара осталась с носом. Но Гайнош наверняка знал, каков главный вопрос в их с Люком беседе. Наверняка понимал, что сейчас важно.

В таком случае надо действовать по плану. Пусть Мэй и Тхан остаются в резерве, прикрывают тылы. И как только подвернется удобный случай – пусть жгут всех роботов, каких только увидят.

Об этом Люк и попросил Тхана.

– То есть как только Мара станет уязвимой, я могу по ней ударить? – уточнил Тхан. – Хорошо. Я не раз проделывал такие вещи, потому можешь не сомневаться в моей огневой поддержке.

Голос Тхана ехидно дрогнул, но Люк постарался пропустить мимо ушей его ехидцу. Если дракон желает упрекнуть Люка в кровожадности – пусть упрекает. Кто он сам? Боевая машина, созданная для того, чтобы убивать. Вот и пусть не умничает.

Они перемахнули океан, подобно пущенной стреле. Тхан несся, как черная молния, и перья его крыльев отражали последние лучи уходящего светила. Они казались красными – крылья дракона. Красными, как кровь.

Едва вдалеке показались белые развалины Бен-А-Эльси, Тхан начал снижаться.

Люк вытащил из ножен рукоять лучевого меча, и ее неизменный холод остудил пылающую ярость. Надо все обдумать и быть предельно осторожными. Нельзя допустить, чтобы Гайнош или Мэй пострадали.

Рукоять удобно лежала в ладони, и Люк вдруг вспомнил убитого Инака и то чувство, которое охватило его при этом. Месть может приносить радость. И сейчас такой же момент. Никто не смеет обижать его близких, никто!

Едва тень Тхана – густая, черная тень – упала на белые камни разрушенного моста, как на взлетной площадке появилась Мара. Она ступала мягко, медленно и торжественно. Волосы убраны в хвост, черная одежда подчеркивает стройную фигуру.

Черный дракон завис над площадкой, крылья сделали пару сильных махов, поднимая ветер, и Люк приготовился. Достал мешочек с ключами, поднял повыше и показал Маре. Пусть видит, что они выполняют условия соглашения.

Тхан приземлился медленно и осторожно – на этой площадке для него было слишком мало места.

Люк соскочил вниз и, велев Мэй оставаться на драконе, сделал несколько шагов по направлению к Маре. Остановился.

Мара тоже прошла вперед.

Рядом с ней двигались четверо роботов – и все. Больше никаких машин.

– Где Гайнош? – крикнул Люк.

– Где ключи? – в свою очередь спросила Мара.

Люк еле заметно ухмыльнулся. Вот теперь надо сыграть. Надо сделать дело так, чтобы Мара как можно позже догадалась, что ее обманывают. Он показал женщине-роботу мешочек с ключами и сделал выразительное лицо: мол, вот оно, сокровище. После сделал шаг назад, обернулся к Тхану и сказал:

– Приготовься ловить. Если Мара не согласится выполнить все условия, я кину тебе ключи и ты можешь улетать с ними. Ясно?

Тхан довольно осклабился, прищурил наглые желтые глаза и кивнул, медленно и важно.

– Я поняла. – Мара не сделала ни единого движения, не сказала больше ни слова.

Но откуда-то из подземного хода появились еще три робота, ведущие Гайноша. Отец Мэй слегка прихрамывал, но в общем и целом двигался довольно споро. Люк окинул его быстрым взглядом и кивнул.

Синяки и шишки пройдут, а серьезных повреждений Гайнош, скорее всего, не получил. Разве что пару сломанных ребер, но это тоже не смертельно.

Люк поднял мешочек повыше и ждал, пока Гайнош подойдет к дракону.

– Зачем ты меняешь ключи? – это было первое, что спросил отец Мэй.

Хороший вопрос, он лишит Мару последних сомнений.

– Хамур их задуй, эти ключи. Лучше спасти своих и убраться, – ответил ему Люк.

– Не делай этого! – Гайнош остановился, но роботы решительно подтолкнули его.

– Тебя ждет Мэй, – напомнил ему Люк.

– Я не пойду. Обмен не состоится, – заявил Гайнош и опустился на землю.

Люк тут же убрал мешочек с ключами за спину, сделал несколько шагов по направлению к дракону, стараясь держаться около крыла, по которому так легко было вскарабкаться на спину Тхана.

– Нет Гайноша, нет обмена, – заявил он и торопливо забрался на крыло.

Тхан тут же поднял голову и фыркнул, выпустив облако дыма. Он демонстрировал полную готовность к полету.

– Несите Гайноша к Тхану! – распорядилась Мара. – Люк, ты должен сам забрать предмет обмена!

– Тогда помоги, – ухмыльнулся Люк.

– Татику, – вдруг проговорил Тхан. – Она прислала татику.

Разведчики! Круглые маленькие шары, умеющие издавать жуткие звуки!

Пространство вокруг вздрогнуло и завибрировало: появились сразу четыре разведчика и их мерзкий вой создавал невидимую стену, блокирующую мышление. Люк поморщился, но не отвел глаз от Мары. Значит, она пытается их запугать и сбить с толку.

– Убери татику! – взревел Тхан.

– Не тебе тут командовать, первичный! – зло ответила Мара.

– Теперь ты разобралась, старая ведьма, кто я такой! Может, еще вспомнишь, какие у нас с тобой были раньше дела? – ответил Тхан.

– Я все помню, дракон. Мы еще встретимся и решим то, что между нами осталось. Сейчас мне нужны ключи.

– Так сделай это, Мара! Пусть твой пленник заберется мне на спину, и ты получишь то, что хочешь! Или мы убираемся...

Роботы подхватили Гайноша и приволокли к Тхану. Люк кинулся помогать, подхватил отца Мэй под руки, пытаясь втянуть на спину дракона. Но Мара оказалась тут как тут, роботы по ее знаку вцепились в ноги Гайноша, татику опустили, невыносимо завывая. От этих жутких звуков раскалывалась голова.

Теперь, пожалуй, пора.

– Держи! – крикнул Люк, кидая Маре мешочек.

Он подобрал для ложных ключей самый узкий кожаный мешочек, какой только имелся у них на острове. Ключи он сложил так, чтобы на самом верху лежал его кулон, настоящий ключ от Первого сервера, от Храма Живого металла. Заветный кулон, который приносил удачу. Кулон, который всегда передавался в его роду от одного воина к другому.

Талисман, который никогда не подводил.

Мара дотронулась до кулона и не смогла сдержать довольной улыбки. Она тряхнула мешок, рассматривая остальные ключи, и Люк воспользовался моментом. Он вытянул меч – движение заняло не больше мгновения – и двумя быстрыми движениями снес головы ближайшим роботам. Потом еще один взмах – назойливый татику, воющий, как подбитый нажис, рухнул в траву. Тхан, как по команде, поднял крыло, помогая забраться в седло, и взлетел. Мару отбросило назад воздушной волной, Гайнош вцепился в скобы на спине дракона и проскользнул в ближайшее седло. Люк все еще оставался на крыле, которым дракон махал тяжело и медленно.

Земля удалялась.

И в этот момент Люк увидел, как из-за развалин белого моста появляются драконы. Много драконов.

Они летели в два ряда, и их гибкие, черно-сине-зеленые тела едва заметно сверкали в лучах поднявшегося Буймиша. Из открытых пастей тянулся дым и огненные всполохи, острые уши прижаты к головам – знак готовности к битве. Знакомые морды, знакомые движения. Это были драконы пустыни – десять мощных новеньких машин, совсем недавно поднятых на крыло. Ни на одном драконе Люк не увидел Всадника – роботы подчинялись лишь себе. Или, возможно, Маре. Татику умолкли, чтобы не мешать своим машинам. Драконы издали мощный, тяжелый рык и выпустили огонь.

Значит, Мара подготовилась к встрече.

Впрочем, Тханом не надо было управлять, эта железная зараза отлично знала, что надо делать. Тхан резко взял вверх, уходя от огня, и, пользуясь тем, что он гораздо быстрее, мгновенно набрал скорость. Люк мешал ему, все еще цепляясь за крыло, но радовало хотя бы то, что Гайнош и Мэй крепко сидели в седлах. Прижавшись к нагретой чешуе, Люк поставил ноги в специальные скобы и торопливо закрепил себя небольшим кожаным шнуром, пристегнув его к скобе на крыле дракона. Не самый лучший способ путешествий, но теперь ничего не поделать.

Тхан между тем уже раскрыл пасть, откуда вместе с бешеным рыком вырвалось пламя. Огонь обрушился на головы ближайших двух драконов. Те ответили оранжевым пламенем. Огневая мощь Тхана оказалась сильнее. Черный дракон не пострадал, но зато двое более мелких драконов замотали головами и потеряли высоту, отступая к земле. На их месте оказались еще три боевые машины. Рогатые головы, оскаленные пасти, смертоносное пламя.

Две другие машины оказались за спиной Тхана, и черный дракон еще раз виртуозно ушел ввысь.

Люк скрипнул зубами, пытаясь удержаться на крыле. Руки его разжались, но кожаный ремешок помог не свалиться вниз. Край одного из перьев разорвал кожу на тыльной стороне ладони, кровь смешалась с дымом, но боли Люк не чувствовал. Только ярость, только ветер, только желание убивать.

Он хотел бы сейчас оказаться в переднем седле Тхана, чтобы самому помогать битве! Чтобы видеть морды врагов и как горячее пламя Тхана уничтожает их, сметает с пути, лишает возможности двигаться и воевать!

Это драконы его племени, выведенные в Храме Живого металла. Это драгоценные машины, но их не вырастили около палаток, не вскармливали из рук Живым металлом. Эти машины не играли с детьми около костров и не слушали вечерних песен. Драконов, которые летали сами по себе, вырастили в Храме, мгновенно, за один раз. И управляет ими сейчас Мара, а не жители Камлюков.

Потому эти драконы враги. И их надо убить.

Огонь, Тхан! Стреляй на поражение!

Тхан поднялся еще выше, сделал небольшой круг и снова изверг пламя из пасти, направленное на троих атакующих. Двое драконов, заходивших с тыла, набрали высоту и попытались в свою очередь напасть на Тхана. Люк оглянулся на них и замер.

В ближайшем драконе с синими сверкающими глазами он узнал Енси.

Енси, Хамур его задуй!

Это клятый Енси сейчас охотится на него и Мэй! Это со своей собственной машиной Люк сражается!

И если Тхан его сейчас уничтожит, то плата его дракона тоже пропадет!

Люк, не колеблясь, отстегнул кожаный ремешок и, дождавшись момента, когда крыло Тхана пойдет вверх для очередного маха, скатился к спине черного дракона, обдирая руки и рискуя свалиться. Ударился плечом о твердую металлическую спину, но уцепился за роговой выступ, после подтянулся и схватился обеими руками.

– Тхан, там мой Енси! – заорал изо всех сил Люк и потянулся к седлу. Не сразу, но ему удалось забраться, а Мэй помогла, протянув руку.

– Хвала Настоящей Матери, – выдохнула она, но Люку некогда было разговаривать.

Он не мог допустить, чтобы Тхан уничтожил Енси!

– Тхан, не стреляй по драконам! Уходим! – крикнул он, надеясь, что машина его услышит.

Но Тхан не был домашним роботом и сейчас, в небе, все решал сам. Потому ответа не последовало. Тхан поднялся еще выше и одним мощным залпом уничтожил сразу трех атакующих драконов. Две машины вспыхнули, как огромные факелы, а третий, потеряв управление, просто рухнул вниз, на белые остатки моста, развалив их окончательно.

– Почему ты думаешь, что это Енси? – прокричала Мэй.

Люк не ответил. Он оглянулся и увидел, что два дракона – Енси и еще один, рогатый, с зелеными полосами на морде, – набирая высоту, наседали на Тхана с двух сторон. Еще один дракон, не слишком большой и не слишком проворный, подлетал снизу, вытянув голову и высунув узкий длинный язык. Три дракона, намеревающиеся взять в клещи, – от такой атаки только уходить.

Но Тхан, издав яростный рык, обрушил на нижнего дракона такое мощное пламя, что Люк почувствовал жар и поморщился. Тхан не собирался отступать, он желал сражаться. Жажда битвы, жажда убийств и желание мести овладели им настолько, что черный дракон превратился в огромную черную молнию, сверкающую убийственным пламенем.

Движения Тхана ускорились, он развернулся, откинув мощным хвостом то, что осталось от языкатого маленького дракона, и, вытянув голову, опалил огнем правого атакующего. Слева бок Тхана уже поджаривал Енси – пламя охватило крыло, но Тхан вывернулся, махнув хвостом и отбивая Енси. Дракон Люка получил по морде, перевернулся, но тут же восстановил равновесие и с удвоенной силой ринулся в бой.

Люк вдруг понял, что следующим будет его Енси, что Тхан сейчас развернется и спалит дракона дотла.

– Уходим, Тхан! – заорал он, по привычке хлопая черного дракона по спине. – Уходим! Вверх!

Никакой реакции. Тхан взревел, извергая пламя на второго атакующего, тот перевернулся, крылья его вспыхнули, как два здоровенных факела. А черный дракон уже совершал оборот, и пламя, пылающее на его крыле, мгновенно потухло. Люк уловил едва заметные повороты перьев на крыле и понял, что Тхан обладает противопожарными схемами, защищающими от огня.

А под самым крылом обнаружился Енси, такой же злой и неумолимый, как Тхан.

Раздумывать было некогда.

– Берегитесь! – прокричал Люк, обращаясь к Мэй. – Летите на остров и ждите меня там!

– Ты куда? – Мэй вцепилась в его рукав, но Люк быстро и резко отодрал ее пальцы.

Больше не сказал ни слова. Она рядом со своим отцом, и Гайнош позаботится о Мэй.

Дождавшись, когда крыло Тхана направится вниз, завершая мах, Люк, цепляясь и обдирая руки, скатился по нему и прыгнул. Енси оказался близко.

То ли сработали старые, очень старые привычки ездового дракона, то ли Люку просто повезло. Но когда он прыгнул, Енси развернулся так, чтобы его седло оказалось в нужной позиции. И Люк умудрился схватиться за луку седла и не рухнуть в бездну. Енси не обратил внимания на седока, но этого и не надо было.

Люк подтянулся, забрался в седло и провел рукой по чешуе.

Давай, приятель, давай вниз.

Енси не послушался. Зато Тхан притормозил, уставившись на Люка.

– Это мой дракон! – заорал Люк, но его голос утонул в шуме ветра. Просто канул в дыме и ярости атаки, и его никто не услышал.

Но это не беда. Мэй все пояснит Тхану.

Енси собрался снова атаковать черного дракона, но Люк уже открыл экран на его спине. В программах он разбирался слабо, но видел, как отец Мэй показывал схему переключения на голосовое управление. Вот сейчас и переключим.

– Уходи вниз, Енси! – прокричал Люк.

Дракон замотал башкой, пытаясь скинуть наваждение.

– Вниз уходи! – снова скомандовал Люк.

Тхан временно прекратил атаку, не решаясь стрелять в дракона, на котором находился Люк. Он взревел, поднялся выше и обрушился еще на одного нападающего. Енси между тем

вдруг поднял голову, словно определяясь с тем, что теперь будет делать, набрал высоту и полетел прочь.

Никакие голосовые команды не могли остановить эту скотину. Енси неся куда-то в сторону, совсем не туда, куда желал бы попасть Люк. И не было никакой возможности спрыгнуть с бешеного дракона.

Не управлять им, не покинуть его Люк не мог, и оставалось только одно – двигаться навстречу неизвестности.

Глава 4

Мэй. Сны, которые сбываются

1

Горький привкус дыма оседал на языке, щекотал горло и заставлял беспрерывно кашлять. Воняло не только дымом – горелым железом и еще чем-то странным, техническим и непривычным. Глаза заливали слезы и пот, но возможности вытереть лицо не было.

Мэй двумя руками вцепилась в скобы у луки седла и очень сильно надеялась, что крепкий кожаный ремень, пристегивающий ее к седлу, не подведет.

Разгоряченный битвой Тхан не реагировал на слова и команды, он вел свой собственный бой, в котором слушал только себя. Быстрые движения, дым, холодный воздух, горячие всполохи огня и жуткая ярость, которая наполняла пространство.

Сначала Мэй радовалась битве. Получите, мерзкие драконы!

До тех пор, пока не увидела Енси.

Она узнала бы своего дракона везде. Ей достаточно было одного взгляда в синие глаза летящей навстречу Тхану машине, чтобы понять, что это ее дракон. Ее машина!

Люк тоже это понял. Он пытался остановить Тхана, но ничего не получилось. И тогда Люк обернулся и посмотрел в глаза Мэй. Быстрый взгляд черных глаз, полных бешеной отваги, – и Мэй все поняла.

Поняла с нарастающим ужасом и отчаянием. Она не остановит своего Всадника, она не образумит его. Люк сейчас, почти так же, как и Тхан, слушал только свои внутренние ритмы. Ритмы войны.

– Летите на остров и ждите меня там! – прокричал Люк, и Мэй даже не успела ответить.

Черноглазый воин кинулся вниз, заскользил по крылу Тхана и в одно мгновение оказался в седле Енси.

Все произошло настолько быстро, что Мэй не смогла ничего поделать. Она не удержала Всадника, не изменила ход боя. Енси, рассерженный появлением Люка, сердито замахал башкой и попытался скинуть незваного пассажира. Он перевернулся на бок, сделал быстрый и рез-

кий круг, но Люк удержался. Мэй могла видеть, как Люк перенастраивал программы дракона, как выравнился полет Енси и как эти двое понеслись куда-то вдаль, увеличивая скорость.

Тхан поднялся выше, настолько высоко, что земля внизу превратилась в едва различимую темноту, а ветер стал ледяным и свежим до колкости в горле. Мэй торопливо вдохнула в себя этот свежий холодный ветер и закричала Тхану, что надо лететь вслед за Люком.

Возможно, Тхан бы так и сделал, если бы не новый десяток драконов, появившийся с той стороны, куда улетел нахальный Енси. Их было много, этих злых, наглых, новеньких драконов.

– Мы уходим, – коротко возвестил Тхан. – Ключи у нас, Гайнош тоже. Наша миссия выполнена.

– А Люк! – заорала Мэй, сжимая полукруглый поручень-скобу.

– Люк на своем драконе, он сам прилетит, – сказал Тхан и рванул в сторону океана, развив такую скорость, что Мэй пришлось пригнуться и спрятаться за высокой лукой седла, чтобы обжигающий ветер не перехватывал дыхание и не покрыл ее лицо коркой льда.

Отец сидел в заднем двойном седле, и поговорить с ним не было никакой возможности. Да что там говорить – нереально было даже оглянуться, так сильно шумел вокруг ветер и так быстро проносились над головой звезды. Лишь по влажному запаху и едва уловимым ароматам соли и рыбы Мэй догадалась, что они над океаном.

Наконец Тхан начал снижаться, скорость его уменьшилась, и Мэй, перегнувшись, увидела под черным драконьим брюхом блестящие воды океана.

– Мы добрались. Погони за нами не было. Думаю, что наше место нахождения не было раскрыто, – коротко и очень лаконично отчитался Тхан.

2

– Ничего мы не могли сделать! Ничего! – лениво и тяжело проговорил Тхан.

Его морда находилась так близко к костру, что огонь отражался в каждой сверкающей чешуйке. Несмотря на пережитый яростный бой и на множество жарких атак, внешность (впрочем, как и внутренность) громадного первичного дракона не пострадала. Он все так же поражал красотой и совершенством, все так же насмешливо блестел желтыми глазами и так же свысока поглядывал на людей.

Будто только он один был умным на этом острове. А остальные обладали мозгами ящериц, не больше.

– Можно было полететь за ним! – не унималась Мэй. – Догнать и помочь укротить этого придурочного Енси! Ты мог это сделать, ты летаешь гораздо быстрее, чем пустынные драконы!

– Ты не можешь знать, куда улетел ваш Енси. Вполне возможно, что на базу роботов, на которой обитает сотня таких машин. Против сотни так называемых пустынных драконов я не смог бы сражаться, и тогда погибли бы все. Не только Люк, но и ты, и твой отец. На мой взгляд, это были бы глупые потери.

– Люк не погиб! – снова закричала Мэй.

– Мы этого не знаем. Но если Енси отнес его на военную базу, где находятся поднятые на крыло драконы, то за его жизнь я бы не поручился. Это логичное мнение.

– Ты просто трусил, – мрачно сказал Ник. – Ты трус! Ты думал о том, как выжить самому! Вот что происходит, когда дракон начинает думать. Тогда он думает только о себе!

Ник скорчил жуткую физиономию, после чего медленно погладил прикорнувшего около него Облака.

Облак поднял голову, пошевелил треугольными ушами и довольно хлопнул хвостом. С травы брызнула роса, и Ник слегка прикрыл лицо рукой, чтобы на него не попали капли.

Тхан ничего не сказал Нику, и Мэй знала почему. Черный дракон считал детей глупыми и не тратил на них слова. Вообще не разговаривал с ними.

– Нет смысла сейчас ругаться, – медленно и тяжело проговорил отец.

Гайнош лежал на недавно срубленных ветках, прикрытых самыми толстыми шкурами. Его раны – на самом деле небольшие и не опасные – мама Еника обработала своими целебными отварами, и теперь отец выглядел не так жутко и обреченно. Даже его заплывший глаз открылся, и Гайнош заверил, что с его зрением все в порядке и видит он отлично.

– Нет смысла ругаться. Тхан прав. Мы не могли оставить семью без помощи, не могли лететь за Люком, не думая о последствиях. Люк надеется на нас. Он велел нам возвращаться на остров и ждать.

– Чего ждать? – огрызнулась Мэй. – Ждать, когда сюда припрутся остальные драконы?

– Ты права, мелкая, – снова заговорил Тхан. – На острове мы являемся открытой мишенью. Следует хорошенько спрятаться, чтобы нас не могли найти.

– Мы и так спрятались. Сидим в лесу, вокруг такие высокие деревья, что за их ветками и звезд не видно. Костер у нас всего один и едва тлеет. Нас тут никто не найдет. Даже Люк, когда прилетит, – возмущенно пробормотала Мэй.

– Люк не дурак. Он нас найдет. Он всегда нас находил, – сказал Жак и полез к миске с уже остывшими лепешками. Отломил себе большущий кусок и запихал в рот целиком.

– Ему нужна помощь. Надо прямо сейчас лететь за ним и помочь! – не унималась Мэй.

– Кто полетит? – тут же спросил Тхан. – Отец твой еле на ногах держится. Ты – слабая девочка, не умеющая сражаться. Братья Люка слишком малы. Про его сестер и мать я даже не говорю. А еще надо учитывать, что оставлять семью одну на острове тоже рискованно. Никто не знает, что происходит сейчас там, в пустыне. Никто не знает, сколько драконов поставлено на крыло. И если вдруг сейчас к нам нагрянут – нужна будет машина, чтобы просто улететь отсюда, и как можно быстрее.

– Тогда что, будем сидеть тут и никуда не высовываться? Просто сидеть и ждать? – Мэй поднялась и уставилась на Тхана.

Смотрела прямо в его наглые желтые глаза.

– Мы будем действовать, но очень осмотрительно. И будем надеяться, что Люк сам справится со своим драконом, – ответил Тхан.

Остальные молчали.

Мэй считала, что прямо сейчас надо отправиться на помощь Люку и что лететь должна именно она верхом на Тхане. Но черный дракон, у которого не было ни стыда, ни совести, не спешил помогать Всаднику. У него имелось свое мнение, на котором он настаивал. И никто не возражал Тхану, разве что Ник временами возмущался.

– Надо дожидаться утра. Потом слетать на разведку и подумать, как вы сможете получше устроиться на острове. Утром, вполне возможно, объявится Люк, целый и невредимый, и тогда необходимость его разыскивать отпадет сама собой, – говорил Тхан.

Мэй устала с ним спорить и замолчала, хмуро уставившись в огонь.

Они покинули удобную поляну, на которой громадный черный Тхан был слишком замечен. Забрались в самую чащу, причем дракон свалил всего несколько наиболее толстых стволов.

Все устроились под крылом Тхана, и чешуйчатый бок дракона да небольшой костерок давали им тепло. Крыло предохраняло от надоедливой мелкого дождя, зарядившего, судя по всему, на целую ночь. Близнецы заверили, что будут поддерживать огонь до утра, чтобы никто не замерз, и Жак деловито похлопал по внушительной куче хвороста, заранее запасенного с вечера.

Наконец заговорил Гайнош.

– Тхан рассуждает правильно. Я не хочу пускать тебя одну, Мэй. Но и лететь вместе с тобой сейчас не могу. Дождемся утра и будем надеяться, что Люк уцелеет. Этот парень умеет выживать.

Мэй ничего не ответила, лишь еще больше насупилась.

Не могла она объяснить отцу, что внутри ее все закаменело от тревоги. Что ночь утратила свои краски, а покой испарился.

Да и как можно успокоиться, когда твой любимый человек пропал?

Вот что бы сейчас делал отец, если бы вместо Люка на Енси умчалась она, Мэй? Так же бы спокойно рассуждал о том, что лучше дожидаться утра в тепле и безопасности?

Мама Еника молчала, лишь беззвучно шевелила губами – видимо, возносила молитвы Настоящей Матери. Да ничего планета Эльси не может поделать в этом случае! Планета даже не может сама защититься от людей, которые ее уничтожают!

Планета – это всего лишь планета, а не могущественная богиня!

Еника не принимала участия в разговоре, но когда свое мнение высказал Гайнош, она подняла глаза и наконец заговорила:

– Люк ведь улетел на Енси. С каких это пор мы спасаем Люка от его собственного дракона?

Мэй сначала удивилась спокойствию мамы Еники. Еника ведь не видела жуткую морду Енси, не видела, как яростно плевался огнем этот бывший домашний любимец. Но после как будто что-то кольнуло у Мэй внутри, толкнулось теплое воспоминание, словно огонек, вспыхнувший в темноте. Она невольно подняла руку и дотронулась до пустого шнурка, на котором когда-то висел Третий ключ. Вспомнила, как много и как часто летала на Енси, как сильно доверяла ему.

Вспомнила, вздохнула и промолчала.

Возможно, Еника права, и Люка вовсе не надо выручать. Тогда почему же он до сих пор не прилетел?

Может, потому, что у дракона закончился заряд энергии, и он ночует где-то в лесах, точно так же спрятавшись под раскидистыми, непроницаемыми кронами деревьев? Тогда искать его ночью под бледным светом Буймиша нет смысла. Тогда действительно лучше дожидаться утра.

И Мэй не стала возражать. Она прижалась к отцу, вспомнила про удобные спальные мешки, которые у них когда-то были, потом вспомнила теплые уютные палатки в Камлюках и вздохнула.

– Как ты? – шепотом спросил отец.

Он говорил очень тихо, но в его голосе Мэй уловила неизменную родительскую тревогу. Конечно, отец сильно беспокоился о ней и о Люке.

– Много всякого было, – тихо пробормотала она.

Гайношу уже рассказали о том, что пророк объявил Люка предателем, поведали о битве в Храме Живого металла и о восьми найденных ключах, часть которых теперь была спрятана на острове. Отец Мэй знал обо всех приключениях, выпавших на долю Мэй.

И теперь, спрашивая дочь о том, как она, Гайнош просто хотел убедиться, что с ней действительно все в порядке.

– Я думаю, что все плохо, – снова заговорила Мэй. – Я переживаю за Люка. Мне кажется, что он в опасности. Вдруг это интуиция?

Отец промолчал.

– Ты доверяешь своей интуиции? – не унималась Мэй.

– Своей доверяю. Твоей не могу – я ведь не могу почувствовать твою интуицию, – резонно ответил отец.

– Скажи, ты действительно спрятал ключи от Третьего сервера? Как тебе это удалось?

Отец завожился в темноте, поудобнее устраиваясь. Подсунул под голову руки, после принялся рассказывать.

– Да, Люк сообразительный парень. Он сразу понял, о чем следует спрашивать. Мне повезло, можно сказать, иначе Мара добралась бы до Третьего сервера и в ее распоряжении

оказалась бы армия роботов и Гадины для того, чтобы перевозить армию в любую точку планеты.

– Но ты не успел выключить сервер?

– Не успел. Вот как было. Вы высадили меня на площадке. Удобный спуск с нее уводил в сторону от развалин моста, в густые заросли. Я спустился – для этого мне понадобилось минут двадцать. Потом направился к мосту, под которым находился вход на военную базу, на этот самый Третий сервер. В тех местах протекал небольшой ручей, а берега песчаные. Да и сам ручей мелкий. Вот в нем я и увидел свежие отпечатки ног Мариного вездехода. Железные ноги ее машины оставляют вполне определяемые следы, и я их узнал. Совсем свежие следы на влажном песке. И тогда я понял, что Мара где-то поблизости. – Отец вздохнул, повернулся и продолжил свой рассказ: – Я ведь был уверен, что Мара за нас и помогает нам, поэтому оставался спокойным. Я даже обрадовался: ведь она немного разбирается в управлении этими самыми серверами и наверняка поможет мне. Я именно так и решил, что Мара мне поможет. Я двинулся было к проходу под мостом, но вдруг увидел татику. Круглые твари летали над самым входом, но летали тихо. Не гудели, двигались абсолютно бесшумно, только поблескивали. Знаешь, свет Буймиша отражался от их блестящих тел, и получались такие слабые, бледные отсветы в воздухе. Они для меня стали предупреждением.

Отец замолчал, и в наступившей тишине Мэй совершенно отчетливо уловила дыхание младших девочек, спящих неподалеку, тесно прижавшись к своей маме. Эти мирные, добрые звуки и оранжевый свет почти прогоревших угольков успокаивали и утешали. Вдруг показалось, что нет никакой войны, и не работают старые серверы, и роботы вовсе не угрожают людям. Да и распростертое над ними крыло принадлежит Енси, а не странному и непредсказуемому Тхану, и Люк где-то рядом...

Вспомнив о Люке, Мэй с трудом подавила горестный всхлип, готовый вырваться из горла.

– Ты ведь знаешь, Мэй, – тихо продолжил отец, – я не религиозен. Но, пожив с Всадниками, я стал осторожным. Их вера в приметы, их готовность реагировать на малейшие намеки на опасность помогали им выжить. Возможно, это и есть интуиция, но утверждать не стану. Потому, заметив эти сиреневые отсветы в воздухе, этот блеск летающих татику, я вдруг понял, что это предупреждение. Я почти уверился в этом, поэтому не стал торопиться, притаился в кустах и решил понаблюдать. Татику висели очень высоко, и если бы я шел к проходу под белым мостом другим путем, не в обход, не спускаясь с противоположной стороны посадочной площадки, я бы их не заметил. Вот тогда я и решил зарыть ключи. Закопал их прямо там, в зарослях кустов, у россыпи белых каменных осколков. Приметное место, если знать, что там закопаны ключи. А после решил поискать Мару. И нашел. Это оказалось ошибкой. Но я ведь был уверен, что Мара за нас и помогает нам. Она захватила меня, ключи не нашла, пришла в ярость. Сервер был запущен, он работал. Но управлять им Мара не могла, потому что не обладала ключами. Тогда она связалась с вами и предложила обмен.

– Но сначала избила тебя, – сердито сказала Мэй.

– Это потому, что я сразу не сдался роботам – вот мне и досталось. Но Мара не пыталась меня, если ты об этом. В этом плане она оказалась очень цивилизованной. Культурный робот, можно сказать.

И отец невесело усмехнулся.

Уставшая Мэй больше ничего не спрашивала. Надо было отдохнуть, набраться сил. Ведь завтра им предстояло немало дел. И, поворачиваясь на бок, она вдруг заметила, как хитро блеснули в темноте желтые глаза Тхана.

Неужели старый дракон слышал их разговор и теперь знает, где закопаны ключи от Третьего сервера?

3

Утро не наступало долго – так показалось Мэй. Она несколько раз просыпалась, и над нею по-прежнему была темнота. Вокруг нее – тоже темнота, и даже потухшие угли костра уже не разгоняли фиолетовый мрак. Деревья закрывали свет звезд и сияние Буймиша, а здоровенное крыло Тхана, простертое над ними, и вовсе прятало все семейство от внешнего мира.

А когда едва-едва посерел воздух и, приподнявшись, Мэй смогла рассмотреть очертания Тхановой головы на фоне толстых стволов, около нее послышалось шуршание, и раздался горячий, торопливый шепот:

– Ты не спишь?

Мэй повернулась и увидела Тигаки. Распущенные густые волосы упали девочке на лицо, и сквозь пряди блестели выразительные темные глаза, похожие на два черных отполированных камушка. Тигаки дотронулась до Мэй – пальцы теплые, мягкие – и сказала:

– Мне снился плохой сон. Очень плохой сон. Мне снились драконы, которые нападают. Наши драконы, и они напали на нас. Они пытались сжечь всех нас, и мы от них прятались. И знаешь что?

Мэй не знала, потому мотнула головой и приподнялась.

Тигаки наклонилась поближе, и мягкие волосы коснулись щек Мэй.

– Верхом на одном драконе был Люк, и он сражался против нас... – совсем тихо проговорила Тигаки.

Так тихо, что Мэй едва расслышала ее слова.

– Этого не может быть, это просто дурацкий сон, – решительно и твердо сказала она и отодвинулась так, чтобы волосы сестренки Люка не касались ее лица.

– Я это видела, – твердо ответила Тигаки.

– Видела во сне. А сны – это просто сны.

– Мне снятся настоящие сны. Сны, которые сбываются. Иногда. Я... – Тигаки заколебалась, торопливо убрала волосы и села рядом с Мэй. – Я видела, как погибает мой папа, еще до той его последней охоты. Видела во сне и сказала об этом маме. Мама не поверила, вот как ты. Она тоже сказала, что это просто сон. И я тогда подумала, что мне приснился плохой сон. Просто плохой сон. А он сбылся, и через два дня мой папа погиб, а Люк прилетел один с пустым Хмусом.

Тигаки вздохнула и снова взяла Мэй за руку. Заглянула в лицо, и ее черные глаза заблестели еще больше, если только это возможно. Взгляд стал горячим и гипнотизирующим, и нельзя было отвести взор от этих больших глаз, наполненных тревогой, страхом, переживанием и сомнением.

– Люк сражался против нас, и он был на драконе. Мэй, ты должна найти Люка. Ты понимаешь? Мне снилось, что все вокруг горело и что только ты смогла остановить драконов и Люка.

– И что мне делать?

– Вставай. Прямо сейчас надо вставать и поднимать детей. Надо собираться. Нам надо уйти в пещеры. А Тхан сам о себе позаботится.

– В какие пещеры? Тут нет никаких пещер.

– Есть, я знаю. Я пошла будить маму, а ты буди своего папу. У нас мало времени до рассвета.

Тигаки поднялась, длинные волосы рассыпались по ее плечам, словно каскад темной воды, и сама девочка вдруг стала похожа на древнюю ворожею – загадочная, темноглазая, невероятно красивая.

Мэй невольно подчинилась ей – столько власти и уверенности было в этой хрупкой и тоненькой фигурке. Она затеребила отца и, не заботясь о том, что он подумает, стала уверять, что всей семье надо прятаться.

– Мы должны уйти, прямо сейчас. Тигаки знает, где находятся пещеры, – говорила она, а Гайнош в это время протирал глаза и удивленно слушал свою дочь.

– Хорошо, – сказал он, – пещеры – это хорошо. Там должно быть сухо и спокойно. Пошли искать пещеры. Но нет смысла идти всем вместе. Пусть Еника приготовит младших девочек, а близнецы помогут собрать вещи. Тигаки покажет нам с тобой пещеры, мы их осмотрим, а после, если мы увидим, что пещеры пригодны для жизни, попросим Тхана перевезти семью. Как тебе такой план?

– Очень хороший план, – сказала Мэй и принялась натягивать льёсы.

4

Светило выползло из-за океана медленным тяжелым колесом. Ветер шумел и трещал в верхушках деревьев, трава цеплялась за штанины, доставала до кончиков пальцев и щедро брызгала росой. Впереди летел Облак, деловитый и торопливый. За ним шагала Тигаки, и ее две косы подпрыгивали в такт быстрым шагам хозяйки. Дальше следовали Гайнош и Мэй.

Тигаки была молчалива и сосредоточенна. Она не стала ничего объяснять Гайношу – никаких рассказов о плохих снах. Мэй тоже промолчала. Она не верила в способности сестренки Люка. Страшные сны снятся всем, правильно ведь? Но это не значит, что надо прислушиваться к любым снам.

Мэй и сама видит сны. Всякие ростки, деревья и Настоящую Мать.

Только никакого толка от этих снов нет. Если Настоящая Мать желала помочь, то могла бы подсказать, например, что Мара на самом деле робот. Или, там, что пророки – роботы. Но ведь Настоящая Мать никогда не предупреждала ни об опасностях, ни о предательствах – ни о чем страшном и смертельном.

Значит, нечего искать мистику там, где ее и быть не может.

Потому Мэй шагала за Тигаки с огромным недоверием в душе. Но зато ее отец заметно обрадовался, когда Тигаки пояснила ему, что знает, где на острове находятся пещеры. Он сказал, что надежное укрытие весьма кстати, и сразу же собрался в дорогу. И вот они шагают по лесным прогалинам, приближаются к скалам, и шаги черноволосой девчонки становятся все быстрее, все торопливее.

Они миновали речную излучину, ту самую, где Люк зарыл остальные первичные ключи, забрались по скалистым уступам вверх, туда, откуда падал серебристый и шумный водопад. Миновали густые заросли деревьев – молодых деревьев, ветви которых, растущие до самой земли, пускали такие длинные воздушные корни и столько новых молодых веточек, что из одного деревца выходил целый шатер, под сенью которого могла спрятаться семья из нескольких человек.

Тигаки уверенно нырнула под сень светло-серых ветвей, раздвинула облако тонких, узких листьев бледно-розового цвета (некоторые листочки тут же посыпались на землю, и под ногами Мэй образовалась яркая дорожка) и скрылась за коричневым, довольно толстым стволом. Отец поспешил следом, Мэй за ним.

Пещера оказалась спрятанной за этой группой деревьев. И если смотреть прямо, то и не заметишь, что за раскидистыми кронами прячется низенький скалистый уступ, расколотый ровно посередине. А за расколом – удобная нора, прикрытая каменным козырьком.

А дальше проход увеличивался и превращался в довольно удобный зал с песчаным полом и такими гладкими стенами, будто их специально полировали.

– Здесь раньше тоже пробегал водопад. Но после река изменила свое русло, и пещера высохла и опустела, – пояснил отец. – Нам будет тут удобно. Вода рядом, деревья надежно спрячут нас от чужаков. И если спускаться по проходу дальше, то мы окажемся глубоко под землей.

– Лучше никуда не спускаться, – торопливо и испуганно сказала Мэй.

– Тогда возвращаемся и забираем своих, – бодро распорядился отец.

Едва выбрались из пещеры, как Тигаки остановилась и замерла на самом краю спуска. Розово-красные лучи Светила скользили по ее фигурке, придавая ей какую-то зловещую трагичность. Перед Тигаки лежал лес, над которым розовел огромный купол неба. А где-то вдалеке, над самым океаном, видевшимся узкой блестящей полоской, двигались крупные черные точки. Несколько черных точек.

Мэй смотрела и слишком ясно понимала, что она видит.

На остров надвигались драконы. Множество черных драконов летело прямо к острову, на котором пряталась вся их семья.

– Пожалуй, мы очень вовремя нашли пещеры. И пожалуй, у нас слишком мало времени, – четко произнес отец.

Глава 5

Мэй. Не время бояться...

1

Тигаки спрыгивала с каменистых уступов с легкостью маленького металлического дракончика, будто у нее имелись крылья и поддерживали ее во время рискованных прыжков. Мэй все еще топталась на середине спуска, осторожно выбирая место, куда поставить стопу, чтобы не ухнуть в колючие заросли, а сестренка Люка уже стояла внизу и, подставив ладони под тугие струи водопада, умывалась.

Отец помогал Мэй спускаться и поторапливал ее, то и дело поднимая голову и тревожно всматриваясь в быстро плывущие по небу облака. Со стороны океана надвигалась смертельная опасность. Опасность, полная огня и бездушной, неумолимой ярости.

Только бы они все успели скрыться!

Мэй споткнулась и чуть не полетела носом вниз, на гладкие камни. Отец вовремя подхватил ее и посоветовал торопиться, но все же смотреть под ноги. Однако смотреть хотелось вверх, и Мэй постоянно поднимала глаза к облакам.

Неожиданно появился Облак, деловито закурлыкал над головой Тигаки, и вслед за ним из леса вынырнул Ник.

– Вот вы где! – довольно сказал он и улыбнулся, показывая пару крупных новых зубов, выросших у него совсем недавно. – Нашли пещеры?

– Нашли. Вы готовы? – коротко спросил его Гайнош, ступая на траву и помогая Мэй наконец-то преодолеть последние уступы скалы.

– Да. Тхан вас ждет. Я отправлю Облака, он приведет сюда Тхана. А мы можем и не ходить никуда. Мама уже все собрала, все в порядке.

– Это хорошо, – кивнул отец и проводил взглядом Облака, поднимающегося над лесом.

– Тогда что? Снова подниматься? – хмыкнула Мэй.

– Да, поднимаемся наверх.

Тигаки протянула Мэй руку и первая шагнула к скале.

– Идите первыми, я следом, – велел им отец.

Ладонь у Тигаки была по-прежнему теплой и немного влажной от воды. Мэй старалась не отставать и думала, что летать на драконах гораздо проще, чем лазить по скалам. Думала о том, что если они укроются в пещере, то драконы их не найдут, скорее всего. Просто пролетят мимо, и все. Покружат над островом, может быть.

Словно в ответ на ее мысли, заговорила Тигаки.

– Тхан будет сражаться с драконами, он сильный и не проиграет. И он может от них улететь, поэтому мы не станем опасаться за Тхана.

– Конечно, – согласилась с ней Мэй. Она почему-то едва не забыла про черного старого дракона.

– Но если Тхан убьет Люка, это будет очень плохо...

– Почему он убьет Люка? Ты думаешь, что Люк летит на этих драконах?

– Думаю, – коротко ответила Тигаки.

– Этого не может быть. Этого просто не может быть, – решительно возразила Мэй.

– Мы посмотрим. Мы скоро все узнаем.

– Мы все будем сидеть в глубокой пещере и носа не высунем...

Тигаки не ответила, лишь неопределенно пожала плечами.

Когда они наконец оказались наверху, то смогли разглядеть фигуры надвигающихся машин. Мэй насчитала десять мощных драконов, но они находились еще слишком далеко, чтобы можно было определить, нет ли среди них Енси.

Драконы приближались.

Появился Тхан, везя на себе все остальное семейство. Он высадил своих пассажиров на скале и терпеливо подождал, пока Мэй и Тигаки помогут разгрузить тюки со шкурами, подушками и продуктами.

После дракон расправил крылья и всмотрелся в горизонт.

– Я этого ждал, – коротко сказал он. – Я знал, что они появятся.

Тхан взмахнул крыльями – ветер ударил в лицо Мэй и заставил зажмуриться – и поднялся в воздух.

– Давайте все в пещеру, – распорядилась Еника.

Она велела близнецам переносить одеяла и шкуры, взяла на руки самую младшую девочку и скрылась за ветвями деревьев. Но Мэй не могла сдвинуться с места. И Тигаки стояла рядом с ней.

Они обе молчали. Обе ждали сражения.

2

Громадное черное тело Тхана висело над самой скалой, и его тень накрывала деревья, узкий подъем, Мэй и Тигаки. К ногам Мэй упала маленькая чешуйка, блеснула и погасла. Мэй машинально подняла ее и сжала в кулаке.

Появился отец, поднимавшийся последним.

– Чего вы ждете? Уходите! – велел он. – Мара узнала, где мы скрываемся, и выслала драконов.

– Думаешь, это ваша Мара? – тихо спросила Тигаки, не сводя взгляда с Тхана, раскинувшего крылья, казалось, на полнеба.

– Быстро в пещеру! Сейчас нет никакой разницы! – сердито сказал отец и подтолкнул обеих девочек.

Но Тигаки не двинулась с места. Она смотрела и смотрела вверх, и Мэй тоже не отрывала взора от горизонта. С того места, где они стояли, видимость была отличная, и черные фигурки драконов увеличивались на глазах. Вот уже можно было рассмотреть крупные морды с оскаленными зубами, небольшие коготки на крыльях, узкие полоски перьев, поблескивающих от лучей Светила. Тучи разбежались, словно вдруг испугались предстоящего боя. На самом переднем драконе восседал всадник – темная фигура на фоне ясного неба.

– Я же сказала, что там будет Люк, – совсем тихо проговорила Тигаки и с силой стукнула кулаком о ладонь – жест, обозначающий у Всадников гнев и войну.

– Девочки, уходим! – решительно повторил отец и все-таки заставил их спрятаться под кронами деревьев.

Мэй не хотела уходить, но и возражать отцу тоже не могла. Потому молча последовала за хмурой Тигаки, и прохлада пещеры встретила их спокойствием и тихим гомоном детских голосов.

– Надо позаботиться о костре и набрать хвороста. Оставайтесь внутри, я скоро вернусь, – торопливо распорядился отец и пропал в отверстии пещеры.

Мэй застыла недалеко от выхода и смогла увидеть, как воздух вдруг стал оранжевым и загудел от бешеного драконьего пламени. Сражение началось.

И тогда Мэй не выдержала, выбежала наружу. Раздвинула обеими руками ветви деревьев и высунулась на открытую площадку. Отца нигде не было видно, скорее всего, он скрылся в колючих зарослях, отыскивая сухие ветви на растопку. Небо над головой пылало, драконы ревели, тяжелый и мощный Тхан отражал их бесконечные атаки.

Сбоку от Тхана летел Енси – Мэй без труда узнала его вытянутую голову с большими выразительными глазами. А верхом на Енси был Люк.

3

Тигаки тщательно разгладила толстую старую мьёковую шкуру, под которой находились мягкие ветви деревьев, разложила парочку подушек, села на край и вздохнула. Вытянула ноги и потеряла коленку через плотную ткань штанов.

Глаза у Тигаки были грустными и такими же блестящими, как и накануне ночью.

– Думаешь, Люк уцелел? – тихо спросила у нее Мэй.

Битва, которая шла до тех пор, пока Светило не перевалило за полдень, прекратилась внезапно и быстро. Как-то сразу наступила тишина, а потом полил дождь. И когда Мэй осторожно высунулась из-под ветвей дерева, на горизонте она не увидела ничего, кроме удаляющихся фигурок драконов. Уцелело только шесть машин, причем одна заваливалась на бок в полете и с трудом удерживала скорость.

Тхана она нигде не увидела.

Остров стал тихим и спокойным.

Отец тут же сказал, что надо наловить рыбы, пока у них есть такая возможность. Спустился к реке и через некоторое время вернулся, неся несколько длинных рыб. Всадники, живущие в пустыне, не очень-то ценили рыбу, но в данный момент выбирать не приходилось. Потому, когда Еника завернула ее в длинные листья и запекла на углях, все поели и остались довольными.

Задумались о том, как будут ночевать в пещере, и Гайнош с близнецами снова отправились за хворостом. Еника вымыла посуду и уселась на одной из шкур, забавляя камушками младших девочек. Нгака устраивала постели и долго возилась с длинной потертой мьёковой шкурой, стараясь как можно ровнее разложить ее на ветвях.

Как поняла Мэй, никто не заметил Люка, участвовавшего в сражении. Никто не пытался высунуться наружу, пока в воздухе полыхал бой. А Тигаки никому больше не рассказывала о

своем сне. И тогда Мэй не могла больше молчать, она приблизилась к хмурой сестренке Люка и засыпала ее вопросами.

Тигаки прижала ладонь к губам и слегка шлепнула – знак, говорящий о том, что лучше не болтать. После покачала головой и стукнула смуглой ладошкой по шкуре, приглашая сесть. Браслеты на ее запястьях слегка дрогнули, гладкие черные и красные бусины коснулись шкуры и переместились на бок.

– Ты была права вчера, – зашептала Тигаки. – Люк попал в беду. Ты же не думаешь, что он хотел нас убить?

– Я не думаю, конечно. Но почему он сражался против нас? – не понимала Мэй. – Как он мог?

– Он сражался против Тхана, – пояснила Тигаки. – Мы не знаем, в чем тут причина.

– Но он же знал, что Тхан нам помогает, что Тхан за нас! Какой смысл ему сражаться с ним?

– Мы с тобой ничего не знаем. Но тебе надо найти Люка.

– Как я его найду? У меня нет дракона, я не могу покинуть остров!

– Тогда дракона надо украсть. Или вырастить Облака.

– Облака? Буймиш и одного раза не поднимался в самый зенит с тех пор, как Облак родился. А Люк говорил, что драконов надо воспитывать!

– Не надо растить его огромным, достаточно совсем немного Живого металла для него. Совсем чуть-чуть, чтобы можно было летать.

– А как? До Живого металла не добраться...

– Но ты же говорила о проходе в Храм. О том, который в песке.

– Я не знаю. Отец меня не пустит.

– Ты не спрашивай разрешения у своего отца. Просто лети, – уверенно сказала Тигаки. – Как только Тхан оправится от ран, он тут же явится сюда.

– Думаешь, он ранен? – удивилась Мэй.

– Конечно. Лежит где-нибудь в укромном местечке возле озера и отдыхает.

И тут у Мэй появилась идея.

Конечно, все это было рискованно, и она не была уверена, что все получится. К тому же действительно не ясно – что случилось с Люком, почему он вдруг превратился во врага Тхана?

Но сидеть сложа руки в пещере и ждать... Чего ждать?

С другой стороны, если Мэй отправится в эту рискованную вылазку, она будет одна. Совсем одна. Отца она не позовет, а больше с ней лететь некому. И от мысли, что придется совсем одной ввязываться в опасное приключение, Мэй поежилась и беспокойно посмотрела на отверстие пещеры, выводящее в густую сень деревьев. Прохладный сумрак и тихий шелест дождя не давали никаких ответов. Сама пещера казалась чужой и странной, да и остров утратил прежний уют, наверное, потому, что на нем теперь не было Люка.

Мэй боялась лететь, боялась войны, боялась больших, воинственно настроенных драконов. Третий ключ уже не висел на ее шее, и теперь вряд ли кто назовет Мэй Владеющей Драконами.

Ничем она не владеет, даже этой пещерой на маленьком островке.

И оружия у нее нет. Как можно решиться на дальний полет совсем без оружия?

Однако если она снова окажется в Храме Живого металла, то меч там вполне можно найти. Маленький удобный лучевой меч, который так хорошо носить на кожаном поясе. Такой же, как у Люка.

– Думаешь, лететь или нет? – быстро и тихо спросила наблюдательная Тигаки. – Я полечу с тобой. Люк все же мой брат.

Мэй удивленно глянула на Тигаки. Сестры Люка боялись полетов и по доброй воле ни за что не залезли бы на дракона. Тем более на такого громадного и быстрого, как Тхан. И если Тигаки смогла преодолеть свой страх ради брата, то Мэй и подавно стыдно бояться.

– Ладно. – Мэй слабо улыбнулась. – Полетим вместе. Я попробую найти Тхана.

Облак с большой охотой отозвался на привычный свист и прытко направился к выходу. Он вытягивал крылья, и его готовность к полету так сильно напомнила Енси, что Мэй на мгновение прикрыла глаза, удерживая слезы. Она понимала, почему Люк покинул семью, понимала, как ему хотелось вернуть свою машину.

Но все-таки как было бы сейчас хорошо, если бы этот смуглый Всадник находился рядом с ними.

– Я поищу Тхана, – сказала Мэй Енике, и мама Люка забеспокоилась.

Покинула свое место на теплой шкуре, приблизилась к Мэй и положила ладони ей на плечи. Тепло от ее рук показалось приятным и родным и захотелось вдруг расплакаться прямо на плече этой сильной и немногословной женщины.

Гордо подняв голову, Мэй с огромным усилием заставила себя улыбнуться и спокойно сказать, что следует посмотреть, в порядке ли Тхан.

– Твой отец сейчас ищет его. Ник и Жак с ним. Я не думаю, что им нужна помощь, – мягко проговорила Еника.

– Облак отыщет Тхана быстрее всех. Я сама не пойду, пошлю сначала Облака, – ответила Мэй. – Я постою на скале, со мной все будет в порядке.

– А я пойду с ней, – заявила Тигаки и решительно шагнула из пещеры.

4

Облак летал долго.

Отца и близнецов нигде не было видно и не слышно, лишь шумел водопад и дул ветер. Тучи к вечеру скрылись за кромкой океана, и закат был на удивление ясным и красивым. Посветлевшее Светило мягко опустилось за воду, и на его место выкатился сиреневый Буймиш. Вернее, он стал более заметным и более ярким, и его четкие контуры привычным ориентиром обозначились на фиолетовом небе.

Сидеть на гладком скалистом выступе было удобно. Травы щекотали щиколотки, прохладный ветер приятно обнимал за плечи. Рядом сидела Тигаки, точно так же спустив ноги вниз, дергая травинки и накручивая их на палец.

– Ты боишься лететь? – после долгого молчания спросила ее Мэй.

Она не стала уточнять – куда, и так было ясно.

– Да, – ответила Тигаки. – Но Люк ведь мой брат. Потому сейчас не время для того, чтобы бояться.

– Надо слетать и к мьёкам. Живы ли они? – сказала Мэй.

– Надо, – согласилась Тигаки и больше ничего не добавила.

– Откуда ты знала про эти пещеры? Раньше, когда мы были на острове с Люком, ты про них не рассказывала.

– Раньше я про них и не знала. Мне приснилось во сне, что Люк прилетит с драконами и будет сражаться против нас. И приснилась тропа к этим пещерам.

– Странный сон. Ты говоришь, что твои сны сбываются?

– Некоторые странные сны сбываются. Но такие сны я вижу редко. И я не хочу об этом говорить. Потому ничего больше не спрашивай, – ответила Тигаки, выдернула очень длинную травинку и принялась крутить ее тонкими смуглыми пальцами.

– Облак узнает, где Тхан, и ночью мы к нему отправимся, правильно? – решила уточнить план действий Мэй.

– Да. Предложим ему полет в Храм Живого металла. Возьмем Облака с собой, и ты вырастишь своего дракона. Облак тогда будет только твоим, если ты дашь ему Живой металл из своих рук. Так говорят легенды и правила. – Тигаки глянула на Мэй, и ее черные глаза выразительно блеснули.

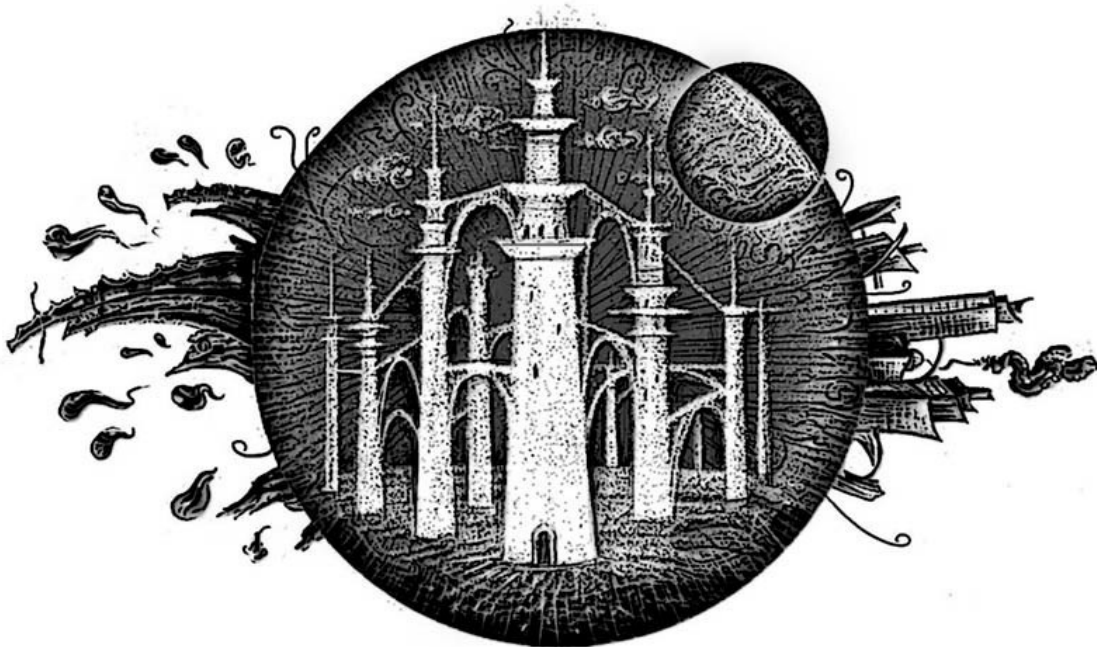
Или это отразился свет уходящего Светила?

– Так и сделаем. Слышишь? Кажется, это мальчики поднимаются. Спорят, как всегда.

– Точно, это они. Дождемся, может, что-то узнали...

Глава 6

Люк. Неуправляемый дракон

1

Деда в клане прозвали Балаболом за слишком длинный язык и привычку вставлять остроумные замечания к месту и не к месту. Он любил длинные выступления на собраниях отцов кланов и обожал, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним.

Но Балабола уважали за храбрость и готовность прийти на помощь. Дед Люка помогал многим – привозил еду, воду, оставался во время рождения детенышей у мьёков. Его большого дракона Зааха многие узнавали еще издалека.

– Вот, летит Балабол на своем Заахе, – говорили люди.

После смерти деда Заах достался его младшему сыну, а когда тот погиб во время схватки с Вурногами – коварные Вурноги любили грабить Инимайтов, – отец торжественно вручил Люку круглый шар с заключенной в нем платой и сказал, что теперь он сможет вывести собственного дракона.

Люк тогда был лохматым мальчишкой с грязными ладонями и босыми ногами, но плату дракона принял из рук отца с достоинством и горячей готовностью. Он был готов владеть собственным драконом.

– Ты отвечаешь за воспитание дракона, – сказал отец. – Дракон – как ребенок, его надо вырастить. Надо вложить душу в эту машину, и тогда она будет служить верой и правдой всей твоей семье. И не будет у тебя надежнее друга, чем твой дракон. Всадник всегда заботится о своем драконе, сын мой.

И Люк заботился. С того самого момента, как из источника Живого металла в Храме выкарабкался маленький сизый дракончик с блестящими синими глазами, они всегда были вместе. Вместе выполняли домашнюю работу, вместе отдыхали и даже спали вместе – крошка Енси сидел у входа в палатку каждую ночь, пока его хозяин отдыхал.

Енси вырос и оказался отличной машиной, послушной, умной, сильной. Он никогда не подводил, и Люк был уверен, что во время боя дракон не дрогнет, не затормозит, не совершит ошибки.

Енси стал частью Люка, а Люк стал частью Енси.

По-другому и не могло быть.

И когда наконец Люк оказался на спине своего любимца, когда получилось вновь вернуть себе свою машину, небо стало ярче, а воздух – пронзительнее и чище. Мир, как и прежде, распахнулся под брюхом дракона привычными лентами рек, ширью океана и зелеными волнами лесов. Все знакомо, все ясно, все достижимо.

Беспокойный и выросший слишком быстро, Енси поначалу и не понял, что от него требуется. Всадник его возмутил, поэтому железная скотина сделала несколько резких оборотов, желая скинуть Люка. Крылья его, бешено блестя в слабом свете взошедшего Буймиша, оглушали резкими хлопками, темная спина выгибалась, хвост нервно молотил воздух.

Енси не желал возить Всадника, но ведь он все равно оставался драконом Люка.

И Люк забрался в его программы. Конечно, множество иероглифов и диковинных знаков были совершенно чужими и непонятными, но переключить на голосовое управление – это легко. Нажать на угловой знак, выбрать зеленый ряд иероглифов, нажать на третий и наконец ткнуть в зеленую полосу, которая появилась посередине экрана.

Готово.

– Теперь ты летишь прямо и ровно, а после поворачиваешь! – сердито приказал Люк, как только экран погас.

Он положил ладонь на горячую сизую чешую и настойчиво хлопнул, понуждая дракона к нужным действиям.

Наглый Енси замотал башкой, коротко рыкнул и перестал выкидывать дикие кульбиты, желая сбросить неожиданного Всадника. Полет машины выровнялся, но направление осталось прежним. Енси решительно и быстро удалялся в противоположную сторону от океана и от маленького островка. От семьи и от Мэй.

Люк хлопал дракона по шее, открывал и закрывал экран – никаких результатов. Он не управлял собственным драконом! Совершенно не управлял.

Дурацкая железная машина! И куда он теперь несет своего Всадника? Что за идеи появились в железной башке?

Земля внизу – темная, мрачная и нелюдимая – пролегла знакомой картой. Миновали Третий и Четвертый Города – их яркие желтые огни маячками подсказывали направление полета. Пронесли стрелой над холмом, где обитала Мара, и дракон замедлился, теряя остатки заряда. Началась медленная и осторожная посадка.

Люку еще не доводилось бывать в этих местах, да его и не интересовали каменистые пустоши на северо-востоке, по которым тянулась одинокая горная гряда с рыхлыми склонами и россыпью острых каменных осколков. Енси опустился как раз у одного из склонов, его лапы резко и неприятно заскрежетали по камням, крылья хлопнули и распростерлись по земле. Голова склонилась вниз, и он замер, закончив полет.

– Ну и что? – разъярился Люк. – Куда ты меня привез, железная скотина? Вот же бестолковая, упрямая тварь, Хамур тебя задуй! Чтоб тебе треснуть, зараза такая...

Енси не реагировал на ругательства, он вдруг стал спокоен, неподвижен и равнодушен.

Люк какое-то время посидел в седле, размышляя: а не удерет ли дракон, если он отважится слезть? Огоньки на луке седла потухли, значит, заряда в драконе не осталось. Но если вдруг...

Если вдруг Енси улетит, едва Люк окажется на земле, то тогда будет все очень плохо. Пешком из этих диких и пустынных мест добираться придется несколько дней. Есть, конечно,

меч, можно будет раздобыть еды, ведь ящеры водятся везде. Но тем не менее в условиях войны путешествие мимо Городов обернется опасным, долгим и выматывающим приключением.

Люк поднял голову и всмотрелся в сияющий над головой Буймиш. Небо оставалось чистым и спокойным. Тучи медленно растягивались в рваное покрывало, ветер трепал их края и заставлял плыть к горизонту, туда, куда укатилось Светило. Ни драконов, ни пангусов, ни больших и опасных Гадин – никого на бескрайнем небе Люк не видел.

Почему бы этому умному и наглому Тхану не прилететь за Люком? Куда он делся? Испугался еще одной драконьей атаки?

Видимо, да. Люк видел, как махали крыльями новехонькие черные драконы – подкрепление, которое вызвала Мара. Конечно, Тхан принял верное решение и скрылся. Но, может быть, этим утром Мэй верхом на Тхане попробует найти Люка? Наверняка попробует, Мэй не успокоится.

Енси между тем не шевелился. И тогда Люк решил спрыгнуть на землю.

Ему хотелось отлить, хотелось размять ноги и ощутить под подошвами неподвижную, крепкую землю. Болели разодранные ладони, ныло незажившее как следует колено, трещала голова, и вообще Люк с удовольствием бы помылся и улегся спать у костра, на теплой шкуре, где-нибудь в пустыне, около своей палатки. Удобное место для отдыха – вот чего хотел бы сейчас Люк.

Но палатки сожгли. Енси переродился и стал совсем чужим и неуправляемым. Отцы клана наслушались пророка и посходили с ума, и вообще начался новый виток войны. Ничего хорошего ждать не приходилось.

Люк обошел Енси и остановился перед драконьей мордой. Глаза машины оказались закрыты, пасть плотно сомкнута, лапы вытянуты. Дракон отдыхал, если можно было так сказать, после дневных трудов.

– Болван! – сердито сказал Люк и пнул морду Енси.

Тот не отреагировал, даже ресницы не дрогнули.

– Ладно. Посмотрим, кто кого.

Люк прошелся, осматривая местность. Собственно, смотреть было не на что. Камни, поросшая редкой и низкой травой земля, скалы и высокое небо. Ни реки, ни водопада, ни ручейка поблизости не нашлось, земля вокруг казалась сухой, скупой и каменистой.

Люк попытался определить, водится ли тут хоть какая-то живность, но все оказалось напрасным. Он никого не встретил и не увидел ничего, кроме круглых маленьких дырочек в земле – норки членогов.

Некоторые виды членогов считались опасными, их ядовитый укус мог привести к смерти, поэтому Люк забрался на дракона и решил заночевать на нем. Неизвестно, что может обитать в этой темной и огромной пустоши.

Опасения Люка оказались верными. Едва он сомкнул глаза и погрузился в тревожный сон, как темноту разорвало рычание. Сначала звуки, раздавшиеся сбоку от Енси, напомнили урчание в животе голодного злого мёка. Люк встрепнулся, сонно прищурился и всмотрелся в темноту.

Рычание повторилось, но теперь звучало громче, нахальнее и увереннее. Как будто в чьей-то большой грубой глотке клокотала накопившаяся желчь. Такие звуки могло издавать только живое существо, не робот – в этом не было сомнений.

Люк с трудом разлепил глаза, поднял горевшую от странной лихорадки голову и нащупал на поясе рукоять меча. Животное, судя по голосу, не маленькое. Но и не громадный ящер: те не рычат, а щелкают и режут, их звуки немного другие. Животное, которое нарушило ночную тишину, не принадлежит к семейству хвостато-чешуйчатых.

Холодная рукоять приятно легла в ладонь и придала уверенности. Рычание снова повторилось, но теперь звучало по-другому: тише и напористее. Если зверь рычит, значит, он преду-

преждает, а не охотится. Во время охоты зверюга вряд ли стала бы заявлять о себе. Подкралась бы тихо и незаметно и атаковала.

Люк нахмурился, представляя внезапную атаку хищника, включил меч, и засиявший клинок разогнал фиолетовую темень в паре шагов от черного бока дракона. Из темноты выступили острые грани камней, редкие жалкие стебли трав, и вдруг за каменным развалом вспыхнули желтые глаза. Рычание повторилось, и теперь не приходилось сомневаться, что глаза принадлежали тому, кто рычал.

Судя по всему, животное было небольшим, и Люк с облегчением откинулся на седло и погасил меч. Потер раненую руку, стараясь хоть немного унять боль, и тяжело сплотнул. Пить и есть хотелось неимоверно, но больше всего пить.

Зверя не стоило опасаться, он не рискнет приблизиться к дракону из Живого металла. Все звери боятся Живого металла.

Видимо, здешний желтоглазый был исключением. Огоньки его наглых немигающих глаз приближались, и совсем скоро Люку пришлось снова достать меч, чтобы увидеть, как гибкая темная фигура крадется по земле. Голова опущена, уши прижаты, клыки обнажены. Морда вытянутая, уши большие и круглые. Шесть лап, причем задние говорят о том, что зверь умеет хорошо прыгать. Цвет шкуры не ясен в темноте, но можно было рассмотреть черные полосы, расходящиеся под углом на груди, и несколько черных полос, спускающихся от глаз к носу.

Что этой животинке надо?

А тварь все рычала и рычала, и вдруг среди низких горловых звуков Люк уловил что-то еще. Еле слышные, очень тихие и мягкие звуки, похожие на мям детенышей. У животного где-то здесь нора, и Люк верхом на драконе загораживает проход?

Ну, извини, зверюга. Убрать Енси сейчас невозможно, потому что железный паршивец закрыл глаза и сделал вид, что полностью отключился. А может, и действительно отключился, впал в режим полной экономии энергии.

Люк вздохнул, устроился поудобнее и принялся наблюдать за животным. Полосатый хищник между тем продолжал скалить зубы и прижимать уши к голове. И надвигаться на Люка. Но когда до дракона осталось несколько обычных человеческих шагов, зверь резко прыгнул вперед, перескочил через хвост Енси и скрылся в каменном развале.

Наступила тишина.

Вот и все. Мамка вернулась в нору и теперь утешает детенышей.

Но если тут есть животные, значит, где-то должна быть вода!

Люк соскочил с дракона и припал к земле, высматривая следы.

Его подозрения оказались верны, вода была. Маленькая речушка текла в пещере, узкий вход в которую Люк едва рассмотрел среди нагромождения камней. Если бы не следы хищницы, он бы ни за что не отыскал ценную прохладную воду, смывающую грязь, пот и усталость и утоляющую жажду!

Хвала Настоящей Матери, у него теперь есть вода!

Люк пил долго, пытаясь загасить горевший внутри огонь, после умылся и вернулся к своей машине. Он не прихватил с собой никакой емкости для воды, никаких кожаных мешочков с узким металлическим горлышком. Запаса ему не сделать, и это плохо. Утром он снова вернется к речке и снова напьется – и это все, что можно сделать.

Оставалась надежда, что Енси, включившись утром, опомнится и начнет выполнять заданные программы. Подчинится голосу хозяина и вернет его, Люка, на остров. Полная перезагрузка рано утром – вот что нужно было Енси.

Но если этого не произойдет и дракон понесется вперед, в неизведанные земли – что делать?

Люк устроился в седле и закрыл глаза. Он подумал о Мэй, вспомнил ее удивительные глаза, сиявшие мягким, нежным светом. Вспомнил ее светлые кудри, ее уверенность, что людей убивать нельзя.

Вздыхнул, подложил под голову руки. Сейчас, когда он лежал под огромным черным небом, наполненным слабым сиянием Буймиша, мысли становились четкими, простыми и ясными. Как быстрые репы, врезающиеся в мишень.

Мэй помогала Люку оставаться человеком, сдерживала жуткую, темную ярость и жестокость, которая жила у него внутри. Она словно бы стала его сердцем, настоящим сердцем, которым человек и отличается от робота. Она не позволяла ожесточиться и убивать без разбора. И потому только около этой светловолосой девочки Люк чувствовал, что может остаться самим собой, что война не поглотит его полностью и не разрушит его личность.

Мэй была мощным противовесом Енси, потому что дракон всегда олицетворял собой безжалостность. Драконы подчинялись Всадникам, были частью семьи и оберегали своих хозяев. Но к врагам драконы не имели сострадания. К врагам драконы были безжалостны. Они уничтожали их всех, сжигали в пламени справедливой ярости. Неудержимой ярости.

И только Мэй могла остановить Люка и его дракона.

Поэтому, лежа на спине Енси, Люк отчетливо понимал, что если Енси не подчинится, то следует его оставить и возвращаться к своим.

Но разве он сможет добровольно покинуть своего дракона?

2

Наверное, сейчас все ужинают на острове, думал Люк. У костра, на удобных шкурах. Близнецы выхватывают друг у друга лепешки и спорят, кому достался больший кусок. Мэй, убрав за уши непокорные пряди, ест аккуратно, беря пищу двумя пальчиками. Руки вытирает об траву и остается всегда чистой и милой. Воспитанная Городская девочка с удивительными глазами.

Заботливая мать неустанно хлопочет по хозяйству, склоняется над миской с лепешками, помогает младшим девочкам, и им около матери спокойно и надежно. Тут же рядом сидит Гайнош и рассказывает о том, как попал в плен. Вечерние разговоры у костра – такие обычные, интересные и любимые.

Мэй, скорее всего, думает о Люке. Гадает, куда он мог пропасть.

А может, Тхан уже летит под круглым Буймишем в поисках Люка, и Мэй, вцепившись в луку седла, выискивает его? Высматривает на темной, погруженной в тревожный сон земле?

Люк вздохнул и завозился.

Догадаются ли они, что лететь надо далеко и долго? Найдут ли его? Или их полет окажется безрезультатным? Может, действительно надо возвращаться? Енси теперь изменился, стал другим. Это уже не та родная и знакомая до самой крохотной чешуйки машина. Это робот, и Люк вполне может раздобыть себе новую плату в том же Храме Живого металла. Мэй ведь рассказывала, что есть подземный проход, о котором не знают Всадники. Тхан довезет их до этого прохода, и новая драконья плата будет у них в руках.

К тому же есть еще Облак, он обещает быть отличным драконом.

Наверное, так и следует сделать, думал Люк, засыпая.

Ему приснился жаркий бой. Горячее сражение на драконах, и отец снова летал на Хмусе, а под Люком был Енси. В воздухе свистели стрелы, кричали пангусы и хлопали драконьи крылья. Полыхали огненные вспышки, и Люк четко ощущал запах гари. А внизу простирался Бен-А-Эльси, но не развалины лежали на зеленых холмах, а устремлялись в небо белые высокие башни с невероятно тонкими шпилями, блестящими в свете Светила. Два белых широких моста, перекрещиваясь друг с другом, представляли собой две дороги, соединяющие четыре

части города. На самом перекрестке возвышалась башня с широкой посадочной площадкой на крыше, и Люк видел, как взлетают с площадки маленькие роботы, похожие на узкие блестящие стрелки.

Стрелки-роботы поддерживали драконов, и по-другому быть не могло, ведь драконы тоже роботы.

Люк не мог вспомнить, по какой причине завязался бой, и ему это было безразлично. Он стрелял в ополченцев на пангусах, попадал в них, и те летели вниз, совершенно мертвые. Люк убивал, одерживал победу, и битва близилась к концу, как вдруг один из ополченцев выстрелил и сразил отца.

Во сне Люк почему-то очень отчетливо понимал, что смерть отца повторяется, что он уже видел этот момент. И тем не менее отчаяние и ужас захватили его точно так же, как в первый раз. А после пришла злость и желание убивать.

«Огонь, Енси!» – закричал он и направил дракона на пангусов.

Он желал жечь и убивать, и больше никаких мыслей в голове не было.

Проснулся Люк утром, почувствовав движение дракона. Холодный воздух заставил поежиться и прижаться покрепче к теплому драконьему боку. Машина расправляла крылья и поднимала голову навстречу Светилу. Теплые лучи скользили по гладкой чешуе, щедро питая ее энергией. Дракон готовился к полету.

Люк приник к сизой драконьей шее и позволил машине нести себя туда, куда хотел Енси. В голове все еще вспыхивали картинки сна, и ощущение недавнего боя не покидало, заставляя то и дело дотрагиваться до меча.

Видимо, битвы им не миновать, и не зря Люку приснился такой странный сон.

О светловолосой девушке Мэй Люк уже не вспоминал.

3

Енси твердо знал, куда ему надо лететь, он не сомневался ни секунды. Поднявшись над высокими и острыми горными отрогами, ведущими на юг, дракон перемахнул их и двинулся на северо-восток, туда, откуда обычно появлялся круг лый Буймиш. Люк отлично помнил, что Деревья-Гиганты находились на севере, но лететь к ним надо было в другом направлении.

В тех местах, куда стремился Енси, Гигантам было бы очень неудобно передвигаться – вместо земли внизу пролежала скала. Она выступала из-под тонкого слоя почвы, как кости выступают из-под высохшей кожи мертвого ящера. Потому Люк все чаще стал замечать странные старые строения, сохранившиеся так хорошо, что даже диковинные потемневшие скульптуры, украшавшие сумрачные длинные галереи верхних этажей, нисколько не пострадали от времени. Странные фигуры, похожие на людей, головы которых казались слишком большими, а конечности слишком длинными, возвышались на каждом углу каждой башни. Они внимательно пялились вдаль мертвыми, ничего не видящими глазами, и мимо одной скульптуры Енси пролетел настолько близко, что Люку удалось как следует рассмотреть каменную фигуру.

Это оказалось очень точное и детальное изображение робота, потому и голова казалась неестественно круглой и большой. Неподвижные каменные глаза таращились вдаль, а вытянутые вдоль тела руки заканчивались тоненькими, невероятно длинными пальцами. Длиннопалый робот, о назначении которого оставалось только догадываться. Интересно, зачем древние люди делали роботов из камня? Какой от этого прок?

Конечно, старые здания с загадочными скульптурами смотрелись красиво, эдакая искусная диковинка. Но пользы от этого не было, и Люку древнее зодчество показалось бессмысленной тратой сил и времени.

Енси между тем все увеличивал скорость, и совсем скоро за горными отрогами и старыми городами показалась вода. Много воды, и Люк, рассматривая огромное русло, так и не мог понять, что под ним: то ли озеро, то ли большая река.

Прямо к воде спускался широченный каменный причал, от которого вело множество каменных дорог, выложенных гладкими бледно-синими плитами, сохранившими свою шестигранную форму. Синие каменные дороги приводили к воротам, таким огромным, что сквозь них можно было просунуть дом в несколько этажей. Или даже два дома.

Выполненные из синего камня, украшенные диковинными вставками из сверкающего Живого металла, ворота возвышались над дорогой, и около них не имелось даже намека на стену. Ни остатков фундамента, ни каменного крошева, и Люк снова удивился. Какой смысл делать ворота, если их преспокойно можно обойти?

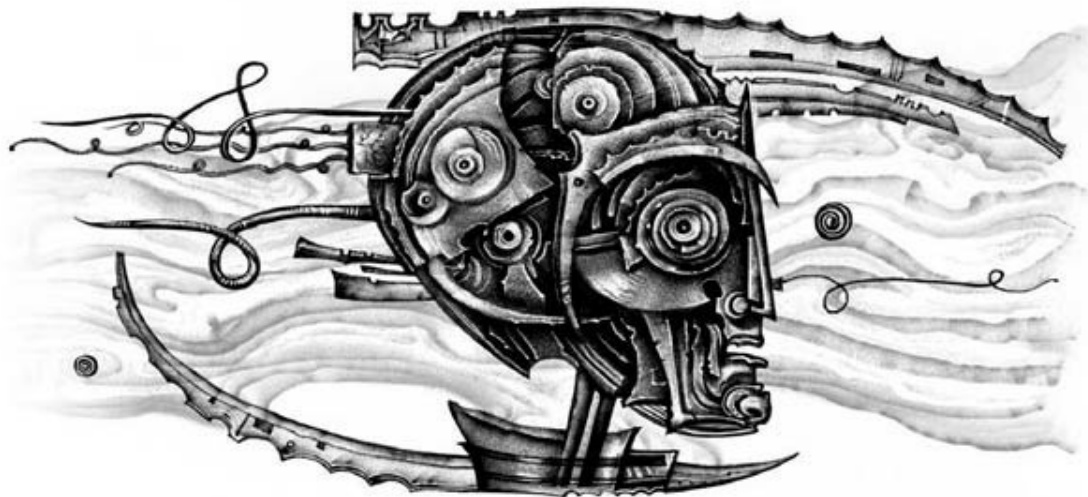
Распахнутые створки нисколько не помешали полету: Енси пролетел между ними, не складывая крыльев и не замедляясь.

Мир вокруг дрогнул и изменился. Люк вместо поросших лесом холмов увидел узкие светлые башенки, сверкающие огнями, длинные арки, соединяющие башенки друг с другом, и огромную посадочную площадку, на которой размещалось несколько дюжин драконов.

К этой-то площадке и устремился Енси.

Глава 7

Люк. Белый город

1

Ровный круг, выложенный плитами. Странными плитами, материал которых не походил ни на камень, ни на дерево. На Живой металл, впрочем, тоже не походил. Серые, темные, слегка поблескивающие, они отражали облака, бегущие по небу, черное брюхо Енси и тревожное лицо Всадника Люка, когда дракон мягко коснулся гладких плит. Лапы дракона тут же будто прилипли, и машина враз остановилась. Ни скрежета, ни длинных царапин от когтей.

Дракон как будто приклеился к посадочной площадке, и Люку оставалось только слезать и осматриваться.

Голова Енси опустилась, крылья сложились, чешуя привычно отразила розоватый свет поднимавшегося в зенит Светила – и наступила тишина. Абсолютная, полная тишина, когда не шелестит ветер, не волнуются травы, не трещат мелкие ящеры и не режут мьёки.

Сколько драконов на этой площадке? Сколько раз по шесть, сколько раз по двенадцать?

Новенькие машины поблескивали чешуей, но не проявляли никакой активности. Глаза их были закрыты, головы опущены, и Люк, проходя мимо рогатого темного дракона, не заметил даже отблеска в прикрытых глазах. Все тихо и тускло.

Зачем тут столько драконов?

Для войны.

Кто будет воевать и с кем?

С людьми. Возможно, это Мара управляет здешними машинами. Возможно, она пытается все взять под свой контроль. Тогда надо ей помешать.

Люк оглянулся, потом поднял голову и удивленно свистнул. Резкий звук странным эхом отразился от серых плит и несколько раз повторился в пространстве между высокими башнями. Енси медленно повернул голову и посмотрел на Люка. Прищурился и презрительно выдохнул густую струю дыма.

– Куда ты меня привез, скотина железная? – буркнул Люк.

Башни тянулись к небу белыми, абсолютно ровными стрелами. Сложенные из крупных камней, они напоминали обелиски. Загадочные обелиски прошлого, хранящие древнюю историю. Время как будто не имело над ними власти, и холодные дожди вместе со шквальными ветрами не смогли лишить их белой, торжественной красоты.

Больше чем двести раз оказывался Буймиш в зените после того, как закончилась война. И никого не было в стенах белых башен, никто не двигался, не жил, не говорил и не управлял здешними технологиями. Люк понятия не имел, для чего строились такие башни. Жить в них высоко и неудобно, окон не имеется, дверей вроде как тоже.

Хотя зачем двери, если крыша каждой башни является посадочной площадкой? И узкие мосты-арки, пролегающие на головокружительной высоте, соединяют все это великолепие в одну структуру?

– Енси, а давай-ка ты еще поработаешь, дружок, – проговорил Люк и быстро вернулся в седло. – Подними меня на ближайшую башню. Ты сможешь там сесть. Слышишь?

Предупреждающий хлопок по шее. Раньше после прикосновения ладони машина реагировала мгновенно, но сейчас Енси едва открыл глаза и выпустил очередную струю дыма. Фыркнул с такой наглостью, что Люк сердито стукнул по шее дракона кулаком и пожелал вошей всем его родственникам.

– Чтоб тебе треснуть, упрямая ящерица! Просто подними меня наверх, что тебе, тяжело, что ли? Сколько раз я должен просить?

Еще одно фырканье в ответ – и все.

– Енси, ты же слышишь меня, не можешь не слышать. Машина, подними меня, давай. Ну же! – Люк лег на шею дракона и, быстро перебирая руками, добрался до головы.

Обхватил руками уши Енси и потянул назад. Старый, древний способ укрощения драконов. Считалось, что уши являются чувствительными радарами и драконы по-особенному реагируют на прикосновения к ним. Когда-то точно таким же образом Люк пытался укротить отцовского Хмуса, после того как отец погиб. Чтобы посадить близнецов в седло и заставить машину слушаться, Люк сначала сам летал на нем и держался за уши, направляя полет.

Хмус должен был признать новых хозяев. Однако не признал. Не стал подчиняться, и потому пришлось вывести новую машину. Теперь есть Облак, а когда-то он ведь был отцовским Хмусом...

Воспоминания навалились, как порыв ветра, и, держась за драконьи уши, Люк на мгновение услышал отцовские наставления: «Каждый дракон обладает своими собственными мозгами, а значит, и волей. И не так просто подчинить себе машину. Это значит, что ты должен воспитать его волю и подчинить ее себе. Не бывает вольного дракона. Вернее, тебе нет никакой пользы от драконьей свободы. Хороший дракон – не свободный дракон».

Но тот Енси, на котором Люк сидел сейчас, явно считал себя свободным, потому что пришел в ярость от прикосновения к своим драгоценным ушам. Он замотал головой, издал угрожающее рычание, выгнул шею и раскрыл пасть. Огромные белые зубы сверкнули в ярких лучах Светила, серо-синей лентой высунулся язык, и дракон лизнул себя в нос. Вместе с дымом появились сине-белые искры, голова поднялась выше, и Люк едва удержал равновесие, вцепившись в края ушных раковин.

Злой Енси вознамерился непременно скинуть с себя наглого Всадника, потому поднялся на задние лапы, вытянувшись во весь свой немаленький рост и еще раз замотал головой. Люк был привычен к таким фортелям, он ведь был Всадником с самого рождения. Он крепче уцепился за дракона, стиснул ногами чешуйчатую шею и громко выругался, стараясь, чтобы Енси его услышал.

– Не выйдет у тебя, скотина синяя! Ты что, решил, что теперь свободен? У тебя есть Всадник, которому ты должен подчиняться!

Голос Люка перекрыл фыркание дракона и возмущенные хлопки крыльев. Енси еще сильнее дернул головой и вдруг рухнул на серые плиты и перевернулся на спину. Крылья распластались по площадке, голова громко стукнула о плиты и тут же прилипла к ним. Башка Енси словно примагнитилась, все тело его вытянулось, и Люк едва успел метнуться на четвереньках в сторону, чтобы его не придавила драконья туша.

Енси не желал подчиняться. Мало того, едва Люк поднялся на ноги, как увидел драконью морду с оскаленной пастью настолько близко от себя, что попятился и отпрыгнул. Енси был разъярен и полон жажды мести, пришлось уносить ноги, и побыстрее – жуткие драконьи зубы клацнули чуть ли не в паре шагов за спиной Люка.

Здоровенная драконья площадка тянулась и тянулась, как будто была бескрайней. Драконы, находящиеся на ней, лежали с закрытыми глазами, вытянув морды и подобрав крылья. Люк бросился к ближайшей машине и скрылся за ее черным корпусом. Перепрыгнул через длинный хвост, после оглянулся. Енси, оскалив белоснежные зубы, смотрел ему вслед и пускал дым через ноздри.

Ладно, мерзкая железная скотина, мы еще с тобой разберемся...

2

Енси не преследовал Люка, однако недвусмысленно дал понять, что не собирается подчиняться Всаднику. Нечего было и надеяться, что машина поднимет на ближайшую башню. И уж тем более дракон не отнесет Люка обратно на остров.

Значит, надо придумать, как можно выбраться из этого странного места за Синими воротами.

Но как же тяжело оказалось принять случившийся факт – дракон не собирается подчиняться своему Всаднику! Неужели Енси для Люка потерян навсегда? Неужели эта машина никогда уже не будет принадлежать его семье?

Тхан бы посоветовал слетать в Храм Живого металла и выбрать себе новую машину. Как будто собственного робота можно просто взять и заменить. Логически Тхан прав, но что-то внутри Люка противилось этой обоснованной и легкой правоте. Что-то внутри жгло будто огнем, и, шагая по краю посадочной площадки, Люк то и дело оглядывался, стараясь высмотреть Енси.

Этот дракон когда-то любил Люка, а Люк любил его. Когда-то все было по-другому. И случившееся походило на дурацкую ошибку. Ведь есть же преданный и добрый Облак, который находится в семье, помогает и подчиняется. Еще пару лет – и Облак станет настоящим драконом, на котором можно будет летать.

Почему же Енси должен стать исключением? Если бы Люк тогда, в Храме, смог забрать вылупившегося дракончика себе, Енси бы сейчас ходил вокруг Люка, высовывал язык и ластился, как самый настоящий домашний питомец.

Чтоб им сдохнуть, этим отцам кланов! Они знали, что так нельзя делать, знали, что нельзя сразу поить драконов Живым металлом, но тем не менее умудрились вырастить огромное количество драконов, которые находятся сейчас здесь, в этом странном белом городе и готовы к войне.

Кто управляет драконами? Явно не отцы кланов. Тогда зачем они допустили это? Зачем позволили опустить в источник столько драконьих плат и вывели столько взрослых машин?

Раньше правила выведения драконов неукоснительно соблюдались, это было святой традицией, которую чтит и тщательно выполняли. Что изменилось? Неужели жажда мести настолько запудрила головы отцам кланов, что они совершили такую чудовищную ошибку?

Из этих мест Люк так просто не выберется. Пешком идти слишком далеко, это займет дней десять, а то и больше. Раз он здесь, надо воспользоваться ситуацией: все разведать, узнать

и проверить. И если удастся, раздобыть Последний Клич, сунуть в башку строптивного чужака и получить его плату. Чтобы вернуть своего дракона, своего Енси.

Круглую драконью площадку окружали столбы, такие же синие, как ворота. Люк добрался до них и какое-то время изучал древние знаки, выполненные из Живого металла. Знаки покрывали всю поверхность столбов, но ни один иероглиф не казался знакомым. Они походили на те иероглифы, которые блестили на рукояти лазерного меча Люка.

Поверхность толстых столбов удивляла своей гладкостью, а знаки – чистотой и сиянием. Великолепное искусство древних людей в нынешние времена считалось давно утраченным. Война начисто уничтожила старые города, и Люк даже подумать не мог, что однажды доберется до целого и невредимого города предков.

А за Синими воротами, скрытый от глаз, лежал именно город, белый и невероятно красивый.

Тишина, безветрие и мягкий утренний свет придавали столбам торжественность и величие. Что могут означать эти иероглифы? Люк дотронулся до рукояти меча, после вытянул ее и внимательно посмотрел на знаки. Так и есть, точно такая же надпись тянется по самому низу колонны, слева направо, затем справа налево. Она читается одинаково с обоих концов: знаки повторяются.

За столбами пролегало множество каменных дорожек, таких ровных и гладких, словно по ним никто никогда не ходил. Дорожка, по которой решил идти Люк, тянулась прямо к ближайшей башне.

Может, Люк сумеет войти в башню и без помощи дракона? Вдруг там есть вход?

Падая вместе с упрямым Енси, Люк ушиб раненую руку, и теперь боль мешала держать меч. Пришлось переложить оружие в левую ладонь. Холод рукояти кольнул пальцы множеством ледяных искр, и Люку вдруг почудилось, что он слышит неясный гул. Как будто где-то шло сражение и работали диковинные и невиданные ранее машины. Как будто ожило и приготовилось к сражению множество роботов.

А когда громадная башня нависла над головой и ее тонкий шпиль ярко сверкнул, отражая красным огоньком лучи утреннего Светила, гул стал нестерпимо громким, и Люк понял, что гудит сама башня. Ее стены, сложенные из огромных белых блоков, покрывал тонкий рисунок из металлических бороздок, выполненных из Живого металла. Бороздки вспыхивали крошечными белыми искрами, и рисунок, создаваемый ими, напоминал громадные заковыристые иероглифы. Как будто сами стены башни несли в себе древнюю информацию.

Рукоять меча стала вдруг нестерпимо, невыносимо холодной. Она стала походить на кусок льда, и Люк дернул кистью, посмотрел на рукоять и увидел, что иероглифы на ней медленно меняются местами. Верхний знак уплыл вбок, нижний встал рядом с верхним, а средний выделился и продублировался. И появился еще один знак, крошечный и серенький, показавшийся неуловимо знакомым.

Два кружка и три точки между ними обозначали охоту. Но в этом знаке была еще и нижняя черточка. Что это значило? Люк приподнял меч, и стена башни перед ним принялась трансформироваться. Выдвинулись квадратные ступени, огибающие здание по спирали, и блеснули крошечными огоньками по бокам. Ступени приглашали подниматься. Ни перил, ни скоб, чтобы держаться – ничего такого в башне не предусматривалось.

Что произошло? Почему башня вдруг оказалась доступной? Старый лазерный меч каким-то образом связан с башней? Это одни и те же технологии?

Ответа не было. В любом случае искать эти ответы следовало в самой башне, и поэтому Люк решил подняться.

Пришлось попотеть, чтобы преодолеть такую высоту. Широкие ступени, удобные для подъема, были открыты всем ветрам, и Люк вдруг с удивлением подумал, что здешние воздушные потоки не несут никаких запахов. Разве только металла. Лучи Светила лежали на стенах

башни розово-золотистыми пятнами, и чем выше ступал Люк, тем больше мог видеть вокруг. Узкие белые мосты, металлические кронштейны которых упирались в башенные стены и создавали кружевной кованый узор, – настолько искусно они были выполнены. Белые камни, серые дорожки, две большие круглые посадочные площадки, причем вторая, совершенно пустая, казалась в два раза больше той, на которой находились драконы. Деревьев в этом загадочном Белом городе почти не было, только трава, дорожки, площадки и множество белых башен.

Люк легко разглядел своего дракона – Енси вновь положил сизую башку на плиты, сложил крылья и превратился в спокойного дремлющего робота. Что ж, придется крепко подумывать. Бросить собственную машину? Ни за что!

Привычный к полетам, Люк не нервничал от высоты. Он торопливо ступал и сжимал меч, радуясь, что тот немного потеплел и уже не обжигал ладонь нестерпимым холодом. Выше, выше и выше, к самым облакам. Туда, где пространство разворачивается удивительной свободой и мир лежит понятной и бескрайней картой.

Еще чуть-чуть, еще несколько пролетов – и выложенная серыми пластинами крыша блеснула перед Люком, как гостеприимная посадочная площадка. Посередине площадки находилась еще одна маленькая башенка, высокий шпиль которой, казалось, утыкался прямо в небо.

Люк уже не сомневался. Он бегом пересек площадку и открыл дверь башни. Обычную дверь на обычных железных петлях. За дверью – кто бы сомневался – высились громадные шкафы-серверы, почти такие же, как в подземельях Третьего сервера под Бен-А-Эльси. Итак, это еще один сервер, еще один спящий мозг, отлично сохранившийся со времен войны. Сервер спит, но у Люка имеются ключи для того, чтобы запустить его в работу. Правда, ключи теперь надежно спрятаны на острове, но все равно приятно сознавать, что владеешь достаточной мощностью, чтобы распоряжаться древними технологиями.

Что же еще имеется на этом сервере?

3

У Люка с собой было три первичных ключа. Он спрятал их в поясной сумке и почти не думал об этом сокровище. Первый, Второй и Пятый – три ключа, чтобы запустить три мозга. На острове находились пять спрятанных первичных ключей, и где-то у Бен-А-Эльси отец Мэй умудрился спрятать ключ от Третьего сервера.

Белый город оказался сервером. Неизвестно, какой у него номер, но можно узнать. И можно поискать какую-нибудь информацию. Наверняка тут есть склады с роботами. Даже не наверняка – они точно есть. И может быть, имеется «Последний Клич» – программа, вырубающая драконов, так называемая «драконья смерть». Если Люк ее найдет – можно считать, что Енси у него в руках.

Люк сунул меч в ножны на поясе, приблизился к ближайшему шкафу и взялся все осматривать. Темные, гладкие, отражающие окружающее пространство пульта, выполненные из Живого металла, тянулись вдоль всех четырех стен и словно бы ждали – когда же их запустят в работу. Два высоких темных шкафа возвышались посередине помещения и слегка гудели, полностью готовые к работе.

Люк провел рукой по поверхности одного из пультов, но ничего не произошло. Никаких дверей в складское помещение, никаких добавочных люков в башенке не наблюдалось.

Может, приложить ключ? Вдруг сервер сработает?

Люк достал Первый ключ, какое-то время подержал его на ладони, всматриваясь в лицо мальчика, появляющегося на поверхности, и приложил уникальную вещь к ближайшему пульту.

Ничего не произошло. Впрочем, ничего и не должно было произойти, ведь этот ключ открывал только Первый сервер. Но на всякий случай Люк проделал все то же самое со Вторым и Пятым ключом. Пульт молчал.

В этот момент Люку вдруг показалось, что он слышит шаги. Как будто кто-то шагал по площадке на крыше, медленно и четко. Рука привычно выхватила меч, и Люк еще раз удивился холоду рукояти. В этот момент произошло странное и удивительное.

Рукоять мгновенно потеплела, знаки на ней загорелись, а лазерный клинок стал белым и ярким как никогда. Включились все четыре пульта, по их поверхности побежало множество сине-голубых знаков, появились выпуклые квадраты и прямоугольники и – главное! – по краю каждого пульта вспыхнули странные, никогда не виданные Люком знаки. Иероглифы были такими запутанными и сложными, что он лишь вытаращился на них, точно мьёк, первый раз увидевший дракона.

Иероглифы призывно сияли, манили и звали к себе, Люк буквально физически ощущал это притяжение. Рукоять меча еще больше налилась приятным живым теплом, знаки на рукояти замигали. Они вспыхивали и гасли, вспыхивали и гасли, словно торопились что-то сообщить своему хозяину. Люк двинулся к пульту и уже не прислушивался к шагам за дверью. Медленно и уверенно поднял руку с мечом, клинок которого был готов к бою и сиял злым белым светом, и прижал торец рукояти к пульту, как будто точно знал, что ему надо делать.

И тут же поверхность пульта стала темной, появился большой экран, на котором Люк увидел человека. Смуглый парень с тонкими сжатыми губами, черными бровями и двумя длинными царапинами на щеке.

– Мое имя Гайен-Сей-Сай-Томагу-Дабори, что с нашего языка означает Летящий Хищник, Спешащий за Ветром. Но все знают меня как Потрепанного Птаха. Я – командор всех Птичьих отрядов, я завладел здешним Девятым Мозгом и все ключи от него находятся у моих людей. Я составляю программы и схемы, я записал их, и они тут, на этом Мозге. Программа «Хамур» и программа «Последний Клич» хранятся здесь, а также схемы их написания. Программы созданы на языке моего народа, и таким образом я их сохраняю тут, в Девятом Мозге. Доступ к ним имеют только командоры Птичьих отрядов, Синяя Птаха и я. Доступ создан на основе ДНК-линии.

Экран погас, смуглый парень исчез.

Люк все понял.

Потрепанный Птах – его отдаленный предок, и даже его полное имя похоже на полное имя Люка – половина точно такая же. И потому Люк получил доступ к этим древним записям. Но – самое главное! – тут имеется Последний Клич. Надо только прослушать все записи и после раздобыть его.

Люк рассматривал множество квадратных сияющих окошек на пульте и выбирал, какую бы запись прослушать первой. Ткнул в первую попавшуюся и уставился во множество схем, развернувшихся перед ним. Схемы сопровождались голосом Потрепанного Птаха, только все слова оказались непонятными, чужими. Древний язык – язык предков. От этого языка в народе Люка остались только песни, одну из которых совсем недавно пела его сестренка.

Он и сам знает эту песню – знает ее звучание на языке пустынных пастухов. Наверное, он сможет во всем разобраться...

Вдруг экраны погасли, дверь открылась, и в ее проеме Люк увидел плотного лысого мужчину с большими темными глазами и синей полосой на лбу.

Пророк? Откуда тут пророк?

Меч тут же засиял и обернулся против вошедшего.

– Потомок Потрепанного Птаха, – спокойно сказал лысый человек. Или это был не человек? – Мы знали, что ты появишься. Мы тебя ждали. Ты нам нужен.

– Что вы от меня хотите? – тут же спросил Люк и сделал шаг навстречу.

Он уже представлял, как слетает голова робота и катится по белым плитам пола, но лысый снова заговорил, и полоса на его лбу вдруг стала нежно-голубой и слегка засветилась.

– Мы ждали тебя, потомок Потрепанного Птаха. Мы готовы тебе услужить. Скажи, чего ты желаешь? Каковы твои планы? Тебе нужны еда и постель? Оружие? Роботы? Ты получишь все, потомок Потрепанного Птаха.

– Почему ты желаешь выполнять мои желания? Своих не стало? – грубо спросил Люк, все еще держа меч наготове.

– Потому что только ты способен нам помочь. Ты убьешь древнего дракона Тхана, который является нашим врагом.

Мы перепрограммируем и вернем тебе твоего дракона, которого ты называешь Енси. Мы снабдим тебя оружием, роботами, продуктами и покажем путь в старый древний Белый город, куда ведут все линии власти. Одной из этих линий будешь обладать ты.

Пророк поклонился и застыл, глядя на Люка.

В его глазах не было злости, ненависти, нетерпения или сомнений. Взгляд робота был абсолютно равнодушен.

– Я должен убить Тхана? Каким образом? Он неприступен, он громаден и очень опасен. Нет ничего, что могло бы оказаться сильнее Тхана.

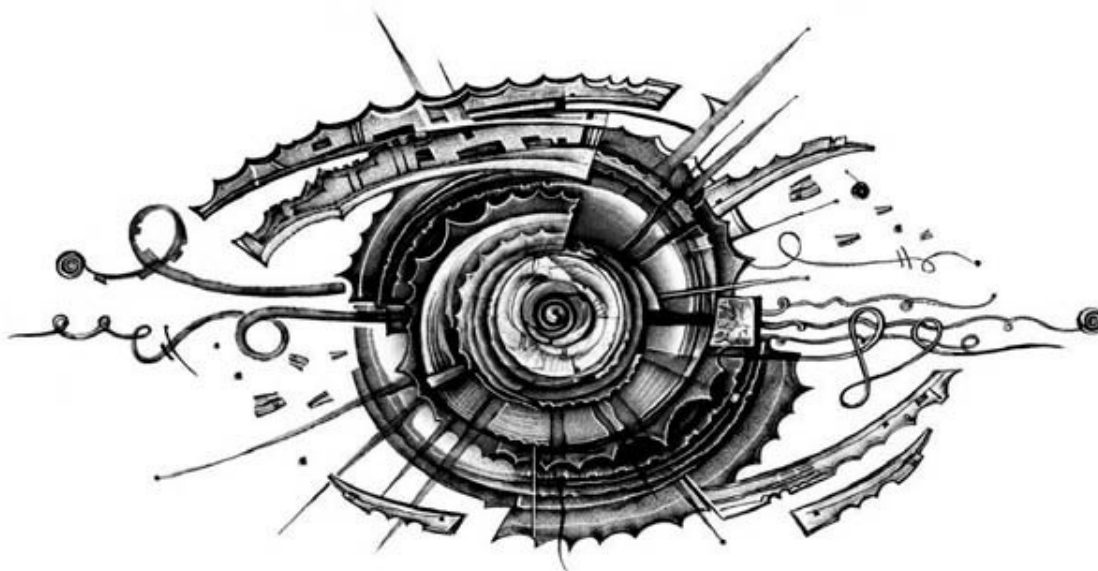
– Мы дадим тебе роботов-драконов. Много драконов. Ты атакуешь Тхана и убьешь его. Ты полетишь на своем драконе Енси. И как только ты убьешь Тхана, одна из линий власти будет принадлежать тебе.

– Что за линии власти? – не понял Люк.

– Ты узнаешь это, как только убьешь Тхана. Лети сейчас, драконы готовы к битве.

Глава 8

Мэй. Драконов становится больше

1

В жизни самой младшей сестренки Люка Буймиш поднимался в зенит всего лишь два раза. Но эта малышка, которая черной головкой не доставала Мэй и до пояса, умела так быстро передвигаться на коротких ножках, что углядеть за ней было не просто.

Вот только что сидела на мьёковой шкуре у слабо потрескивающего огня, а уже через пару мгновений легкое шлепанье маленьких льёсов раздается из самого дальнего и темного угла пещеры. И ведь не боится ничего, настырная мелюзга!

Мама Еника и Нгака взялись готовить тесто, чтобы напечь лепешек на ужин, и присматривать за младшей Ейкой довелось Мэй. Но Мэй, обдумывая ночную вылазку, стала вдруг рассеянной и бестолковой, и когда Тигаки спросила, где Ейка, осталось только оглядываться и искать малышку где-то в темноте.

– Что с тобой? – спросил отец и посмотрел Мэй прямо в глаза, когда та, выудив Ейку у дальней россыпи камней, прямо около спуска в самую темноту, вернулась с девочкой к огню.

– Спать охота, – буркнула Мэй в ответ и не обманула.

Ее действительно клонило в сон, но стоило прикрыть глаза, как виделось широкое седло Тхана, его длинная мощная шея и слышался шорох громадных крыльев.

Ощущение будущего полета уже наполнило кровь тревогой и мучительными сомнениями. Правильно ли они поступят? Может, надо все рассказать отцу?

Когда-то у Мэй не было никаких секретов от отца. Когда-то она доверяла ему все свои тайны и считала самым близким и родным человеком. Что изменилось за эти дни?

Изменилось очень многое. Теперь у нее появился Люк и вдруг, совсем неожиданно, стал самым близким и самым родным. И сейчас, несмотря на свой страх перед Тханом, страх перед ночной вылазкой и неуверенность в правильности поступка, Мэй понимала, что ее ничто не остановит. Она просто должна, должна найти Люка!

И Мэй спрянула свои сомнения поглубже, мягко пожала плечами, демонстративно потерла глаза и принялась развлекать Ейку. А малышка не желала раскладывать камушки на одеяле и мастерить человечков из палочек. Ейка непременно желала двигаться, шагать вглубь пещеры и что-то там высматривать.

– Люк так и не вернулся, – неожиданно заговорил Ник. – Уже почти ночь, прошло очень много времени. Кто полетит его искать?

– Подождем до утра, – сказал отец, и голос его прозвучал слишком уж решительно и твердо.

Мэй посмотрела на него и вдруг заметила, какой глубокой стала складка между бровями. Отец не смотрел на Ника и не смотрел на Ейку. Он чистил рыбу и складывал ее на гладкий плоский камень, который сегодня вечером принес с реки. Рыбу собирались запечь на ужин.

– Почему мы будем ждать? – Жак поднялся, перестал складывать в аккуратные кучи принесенные сухие ветки и палки и возмущенно уставился на Гайноша. – Мы должны прямо сейчас искать брата!

Нгака прекратила вымешивать тесто и устало вытерла лоб тыльной стороной руки. Мама Еника посмотрела на нее и велела продолжать, не останавливаться.

– Потому что Тхан ранен, вы сами это видели. Он не сможет двигаться. Ему надо отдохнуть, – со вздохом пояснил отец.

– А что, утром он уже не будет ранен? – прищурился Жак. – Драконы лечатся только Живым металлом!

– Тхан сказал, что утром он будет лучше, – уклончиво сказал отец. – Сейчас мы все нуждаемся в отдыхе. И утром кто-то должен проведать мьёков. Животные подохнут, и тогда нам всем останется только умереть с голоду.

– Люк важнее мьёков! – крикнул Ник.

– Жизнь ваших сестер, вашей матери и вас самих – вот что значат мьёки, – ответил отец.

Он не возмутился, не ругался, просто объяснял, и Мэй понимала, как тяжело ему даются эти объяснения.

Он прав и не прав одновременно. Мьёки важны, очень важны, потому что семья не сможет все время питаться только рыбой. Запасы муки из мукоки заканчиваются, их едва хватит на завтрак. Зерновых нет, мяса тоже нет.

Конечно, можно полететь и набрать фруктов в лесу около Городов. Отец наверняка убьет ящера, он довольно хорошо стреляет из арбалета. То есть мясо и фрукты у них будут, в теории. Но белый сок мьёков тоже важен. Кинель, который из него делается, очень хорошо утоляет жажду.

Что их всех ждет? Смогут ли они выжить на этом острове?

Близнецы надулись и заворчали, что своих надо выручать, что Люку нужна помощь и зря они сидят в темной пещере и лопают рыбу, в то время как их брат ждет и не дожидается, когда же семья ему поможет.

– Вдруг Енси ему так и не подчинился и он шагает пешком? Как он доберется до острова? Вплавь, что ли? – возмущался Ник, уперев в бока смуглые кулаки.

– Или Енси ранен и потому не может лететь, – вторил ему Жак.

Отец не отвечал. Он сурово поджал губы, и его нож резко и сердито шкрябал серебристо-синюю рыбу чешую, похожую на круглые бляшки. Чешуя слетала на песок и слабо поблескивала в ярком пламени костра.

Дым заполнял пещеру и лениво полз к выходу. Мэй немного подвинулась, потому что сидела с дымной стороны, оглянулась, заметила, что Ейка снова ковыляет куда-то в темноту, и кинулась ее догонять.

Возвращаясь, она встретила с решительным взглядом Тигаки и еле заметно кивнула ей. Планы не изменились. Конечно, отец никуда бы их не пустил, потому что полет ночью опасен и сложен. Вот и не стоит ему ничего говорить. Лучше промолчать и поступить по-своему.

Ужинали в грустном молчании, и лишь бурчание близнецов и треск костра иногда нарушали тишину. Даже младшая девочка Ейка помалкивала, видимо, чувствовала общую грусть. Мама Еника ничего не говорила, но Мэй видела, как она переживает о старшем сыне. Но что она может сделать? Разве она пошлет ему на выручку близнецов? Нет, конечно. Потому что они, по сути, еще дети и не должны по ночам летать на драконе.

Уже когда устроились спать и Мэй сказала, что ляжет около Тигаки, отец подошел к ней, обнял и тихо шепнул на ухо:

– Люк твой жив. Я его видел. Это он сегодня участвовал в нападении на остров, верно? Летел верхом на Енси и нападал на Тхана. Он остался жив, я видел. С ума он сошел, твой Люк!

Последняя фраза у отца получилась злой и горячей. Было ясно, что отец озадачен этим поступком Люка и ужасно на него сердит.

– Ну, может... Может, так надо было... – растерянно попыталась защитить своего парня Мэй.

– Не надо! Надо было оставаться со своей семьей, а не гоняться за машиной! Он нужен своей семье сейчас. Вот пусть и добирается домой на своих двоих, если такой бестолковый. А мы завтра, как только Тхан сможет лететь, отправимся в первую очередь к мьёкам. Завтра на рассвете. Полетишь со мной?

Мэй кивнула. Конечно, она полетит.

Только не с отцом.

2

Маленький Облак был великолепным сторожем, еще лучше, чем лека. Дракончик старался угодить своим хозяевам, его глаза весело блестели, когда он, цокая коготками по камням, прохаживался у входа в пещеру.

Облак мог слышать любой, даже самый тихий, самый далекий звук. И едва что-то начинало его беспокоить, как он тут же расправлял крылья, вытягивал голову, прибежал к Гайношу, Мэй или близнецам и возмущенно щелкал и гудел, спеша сообщить о подозрительном и тревожном.

Облак дежурил и в ту ночь, когда Мэй и Тигаки собрались на поиски Люка.

Спать тогда легли довольно поздно, но уснули быстро. Дневные заботы и опасности утомили всех. Даже Мэй, несмотря на волнение, едва сомкнула веки – тут же провалилась в яркие и короткие сновидения. Ей снился Енси, летящий над океаном, снился веселый Люк, и его темные глаза, казалось, заглядывали девушке в самую душу.

Снился ветер, который бил в лицо и приносил с собой самые разнообразные запахи. Блестел внизу синий океан, сверкали лучи Светила и отражались в драконьей чешуе. Мэй была совершенно счастлива, и, уже просыпаясь, выныривая в темную неприглядную действительность, все еще цеплялась за быстрый и красивый сон.

– Нам пора! – жарко шептала Тигаки и трясла Мэй за плечо.

Сестренка Люка терялась в абсолютной темноте пещеры, оставалось только удивляться, как она смогла распознать Мэй в таком мраке и не перепутала ее с Нгакой, которая устроилась рядом и сладко сопела, свернувшись калачиком.

Теплая спина Нгаки прижималась к спине Мэй, а чуть дальше спала Еника, обнимая самую младшую девочку. Костер давно погас, даже угли перестали вспыхивать крошечными оранжевыми искрами. Ветви деревьев перед входом в пещеру закрывали сияние Буймиша, и в уютном убежище было так темно, что двигаться приходилось на ощупь.

Мэй молча поднялась и нащарила стену. Следуя вдоль шероховатой поверхности, Мэй подобралась к выходу. Облак, слышав шаги, тут же появился из-за древесных стволов и радостно защелкал языком, но предусмотрительная Тигаки хлопнула себя по губам, предупреждая о тишине, и цыкнула на прыткого дракончика.

Спускались молча. Облак следовал за своей главной хозяйкой и не сомневался. Он летел рядом и освещал скалистый спуск, помогая таким образом девочкам.

– Веди нас к Тхану, к большому дракону, – велела ему Тигаки.

И дракончик понесся вперед, вдоль реки.

– Хорошо хоть, не надо продирааться через лес, – резонно заметила сестренка Люка, – я не успела заплести волосы. Пришлось бы оставлять патлы на колючках. Нгака куда-то засунула нашу единственную расческу, сколько раз ей говорила – клади в сумку! Вот же бестолковая...

Мэй подняла голову, всмотрелась в круглый Буймиш и промолчала. Ее почему-то била дрожь, и она боялась, что едва раскроет рот, как зубы застучат друг о друга. Свои волосы она заплела в косу еще с вечера, иначе кудри замучили бы ее. И как только Тигаки может думать о такой ерунде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.